

ГОДОВОЙ ТОП-10 «АМАЗОН» ПО ПРОДАЖАМ

Салли Пейдж

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИСТОРИЙ

Каждому найдется что рассказать.
Но хватит ли у вас духа поведать свою историю?

Салли Пейдж

Хранительница историй

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69345037

Хранительница историй: Иностранка, Азбука-Аттикус; М.; 2023

ISBN 978-5-389-22911-2

Аннотация

Она не помнит, с чего началась ее коллекция. Может быть, с обрывка разговора, случайно услышанного, когда она чистила раковину в кухне? Дженис заметила, что люди рассказывают ей о себе, пока она вытирает пыль в гостиной или размораживает холодильник, и с определенного момента стала прислушиваться, вникать в эти истории, собирать и хранить их... Только так можно по-настоящему узнать людей и понять, что за общество тебя окружает. При этом никто не интересовался жизнью Дженис, пока та не начала работать у миссис Би. Впрочем, Дженис, по ее мнению, нечего рассказывать. Но миссис Би в свои девяносто два года умна и проницательна, она подозревает, что история Дженис заслуживает самого пристального внимания...

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Начало истории	7
Глава 2. Семейные истории	17
Глава 3. Разноэтажные истории	23
Глава 4. У каждого есть своя песня (и повод для танца)	31
Глава 5. История мужа	38
Глава 6. В каждой истории должен быть злодей (примечательное исключение)	47
Глава 7. История про собачью жизнь	56
Глава 8. Никогда не суди книгу по обложке	67
Глава 9. В поисках героини	80
Глава 10. Каждый должен сделать историю лучше, чем она была до него	88
Глава 11. Выбирай свою историю	96
Глава 12. Каждая история с чего-то начинается	102
Глава 13. Каждая история заканчивается смертью	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Салли Пейдж

Хранительница историй

Папе от всего сердца с любовью

Sally Page

THE KEEPER OF STORIES

Copyright © Sally Page 2022

This edition is published by arrangement
with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Пролог

Каждому есть что рассказать. Но что, если у вас нет своей истории? Как тогда быть?

Дженис нашла выход из положения – она стала собирать истории других людей.

Однажды она смотрела церемонию вручения премии «Оскар», и ей запомнилась вступительная речь знаменитой актрисы – Гордости британской нации. Та рассказывала, что в молодости, до того как стать Гордостью нации, убирала чужие дома. Юная и преисполненная надежд, она вставала перед зеркалом в хозяйской ванной, держа бутылку средства для чистки унитазов и воображая, будто у нее в руках заветная золотая статуэтка. Дженис задалась вопросом: а если бы Гордость нации не сумела пробиться в актрисы, чем бы она сейчас занималась? Может, до сих пор работала бы уборщицей, как Дженис. Они примерно одного возраста – обеим хорошо за сорок – и даже внешне немного похожи. Ну, возможно, не так похожи – тут Дженис улыбнулась, – но обе невысокие и с легким намеком на будущую полноту. Может быть, Гордость нации тоже собирала бы истории разных людей?

Дженис не помнит, с чего началась ее коллекция. С эпизода из чужой жизни, мельком увиденного из окна автобуса, когда она ехала на работу через пригороды Кембриджа? Или

с отрывка разговора, который она случайно услышала, когда мыла раковину? Вскоре Дженис заметила: пока она вытирает пыль в гостиной или размораживает холодильник, люди рассказывают ей свои истории. Наверное, они всегда так делали, но однажды все изменилось: теперь эти рассказы западали Дженис в душу, и она начала их собирать. Она отдает себе отчет в том, что выступает в роли сосуда, правда очень восприимчивого. Слушает истории и лишь слегка кивает, давая понять: ей прекрасно известно, что она всего лишь простая невзрачная чаша, в которую люди изливают души.

Часто эти истории удивляют Дженис, порой они ее смешат и увлекают. Одни пропитаны сожалением, другие очень оптимистичны. Наверное, люди разговаривают с ней, чувствуя, что Дженис им верит. Ее приводит в восторг все неожиданное, и любые приукрашивания она принимает за чистую монету. Дома по вечерам, когда муж вместо историй обрушивает на нее монологи, Дженис вспоминает свои любимые истории и по очереди наслаждается ими.

Глава 1. Начало истории

В понедельник последовательность всегда одна и та же: в начале смех, а в конце грусть. Будто две разномастные подпорки для книг, смех и грусть поддерживают ее распорядок. Дженис нарочно составила такой график: когда с утра тебя ждет возможность повеселиться, из-под одеяла вылезти легче, к тому же заряд бодрости помогает выдержать то, что предстоит потом.

Дженис обнаружила, что хорошая уборщица сама себе хозяйка: дни и время работы определяет по своему усмотрению и порядок обслуживания клиентов тоже, что очень важно для гармоничного понедельника. Добросовестную уборщицу найти трудно – это факт общеизвестный. Однако неожиданно большое количество жителей Кембриджа полагает, что Дженис – уборщица выдающаяся. Хотя громкое слово «выдающаяся» ее смущает. Эту похвалу в свой адрес Дженис случайно подслушала, когда одна из ее клиенток болтала с подругой за кофе. Выдающейся женщиной Дженис уж точно назвать нельзя. Хорошая ли она уборщица? Пожалуй, да. Во всяком случае, опыт у нее обширный. Остается лишь надеяться, что ее жизненный путь не обобщат одной фразой: «По части уборки она была мастерица».

Выходя из автобуса, Дженис кивает водителю, стараясь выбросить из головы мысль, которая в последнее время все

больше не дает ей покоя. Водитель кивает в ответ. На секунду Дженис показалось, будто он хочет что-то сказать, но тут автобус с шумным вздохом закрывает дребезжащие двери.

Автобус отъезжает, а Дженис стоит и смотрит на противоположную сторону длинной зеленой улицы. В одних частных домах горит свет, темные окна других закрыты шторами. Сколько же историй скрывается за всеми этими окнами! Но сегодня утром Дженис интересуется только одна – история человека, живущего в доме на углу. Этот особняк в эдвардианском стиле напоминает лабиринт. Хозяина зовут Джорди Боумен. Дженис сомневается, что другие ее клиенты знакомы с Джорди. Вряд ли они вообще знакомятся через нее. Это хорошо, таким и должен быть правильный порядок вещей в ее мире, считает Дженис. Но, несомненно, все они слышали об этом человеке. Кто же не слышал о Джорди Боумене?

Больше сорока лет он прожил в одном и том же доме. Начал с того, что снимал здесь комнату – арендная плата в Кембридже намного ниже, чем в Лондоне, где он работал. А потом Джорди женился и в конце концов выкупил дом у хозяйки. Им с женой не хватило духу выгонять других жильцов, поэтому растущее семейство обитало бок о бок с разношерстной компанией художников, ученых и студентов. Однако постепенно те съехали сами, один за другим. Стоило кому-нибудь из съемщиков освободить комнату, и среди членов семьи за нее тут же разгоралась борьба.

– Вот уж кто хитрее всех, так это Джон, – с гордостью вспоминает Джорди. – Жильцы еще собраться не успели, а он уже свои вещи в их комнату тащит!

Джон – старший сын Джорди. Теперь он живет в Йоркшире, и у него своя семья. Остальное потомство Джорди раскидано по всему земному шару, но дети навещают отца, когда есть возможность. Энни, любимая жена Джорди, умерла несколько лет назад, но в доме все осталось точно так же, как при ней. Каждую неделю Дженис поливает комнатные растения – некоторые разрослись так, что размерами напоминают кусты, – и смахивает пыль с коллекции романов американских писателей. Джорди только рад, когда она берет книги почитать, и время от времени Дженис уходит домой с томиком Харпер Ли или Марка Твена: она выбирает сюжеты, поднимающие настроение.

Дженис не успела достать ключ, а Джорди уже распахнул перед ней дверь.

– Точность – вежливость королей, – громогласно возвещает Джорди, мужчина внушительного телосложения, и голос у него под стать. – Заходите, – приглашает он. – Для начала выпьем кофе.

Это значит, что Дженис должна сварить для них крепкий кофе и, главное, не жалеть горячего молока: все, как любит Джорди. Именно такой кофе варила Энни. Дженис не возражает. В основном Джорди обслуживает себя сам. Еду ему готовят, только когда он в Лондоне, за границей или в пабе.

И Энни, наверное, была бы рада, что Дженис время от времени его балует.

История Джорди – одна из ее любимых. Она напоминает Дженис о силе человеческого духа. А еще его история определенно учит тому, что нужно использовать свои таланты, но на этом Дженис предпочитает не заострять внимания: слишком много сходства с библейскими историями из ее детства, вдобавок ей не нужны лишние напоминания о том, что у нее самой таланты отсутствуют. Она отмахивается от этих мыслей и сосредоточивается на силе духа мальчика, которому предстоит стать тем Джорди Боуменом, которого она знает.

Вырос Джорди в Ньюкасле. Где же еще? Его настоящее имя то ли Джон, то ли Джимми. Она точно не помнит. Но со временем как-то само собой получилось, что он превратился в Джорди. Жил он в квартале возле порта, где работал отец. У них была собака, которую отец обожал – не то что сына, – а самой ценной вещью в доме являлся сундук для вин в форме гондолы, пока не были изобретены плазменные телевизоры. Однажды ранним вечером четырнадцатилетний Джорди шатался по улицам Ньюкасла. Их собака покусала соседа, и отец жаждал крови – соседской. Поняв, что разум отца и логика вылетели в окно, Джорди выбежал через заднюю дверь. Вечер был холодный, повсюду снег, а на нем только тонкая курточка. Но домой парню идти не хотелось. Вместо того чтобы пойти направо, в сторону порта, Джорди свернул налево, в переулок, и прошмыгнул через боковую дверь в

здание городской мэрии.

Попав в концертный зал, мальчик забрался повыше, на галерку. Там было тепло, и снизу его вряд ли могли заметить. Так он сидел за осветительными приборами – самое теплое местечко! – и ел плитку шоколада, которую стащил из киоска. И тут Джорди услышал пение. Первая же высокая нота вонзилась ему в грудь, точно копье, и пригвоздила к месту. Парень не то что оперу ни разу не слушал – вообще не знал, что это за штука. И все же музыка проникла ему в самое сердце. Позже в своих телевизионных интервью Джорди будет говорить: когда он умрет, во время вскрытия обнаружат партитуру «Богемы», обернутую вокруг его сердца.

Домой Джорди вернулся то ли на пару дней, то ли на пару недель – сам не заметил на сколько. За это время он придумал план. Северо-Восточная Англия оперой не славится, а значит, здесь Джорди делать нечего. Надо перебираться в Лондон. Там всяких пижонских штучек полно, наверняка и опера есть. Вот только как попасть в Лондон? Без денег ни в поезд, ни в автобус не пустят. Остается одно – топать на своих двоих. Именно так Джорди и поступил. Набрав в рюкзак столько продуктов, сколько мог унести, и прихватив украденную из гондолы бутылку, он отправился на юг. В дороге Джорди познакомился с бродягой, и значительную часть пути они проделали вместе. За это время бродяга рассказал ему много полезного о городской жизни и научил, как во время пути всегда ходить в чистой одежде. Нужно просто

снять с веревки выстиранные вещи и повесить на их место свои грязные. Затем процедура повторяется возле следующей подходящей веревки, и так далее.

В Лондоне Джорди сразу принялся обходить всевозможные концертные залы. Бродяга составил для него список мест, где можно попытаться счастья. В конце концов Джорди получил работу мальчика-реквизитора. А что было дальше, всем известно.

Муж Дженис, Майк, ни разу не видел Джорди. Это не мешает ему во время походов в паб говорить о знаменитом оперном певце, будто о старом друге. На людях Дженис с Майком не спорит. Не сказать, чтобы муж был благодарен ей за деликатность. У себя в голове он уже много раз болтал с Джорди по душам. Когда Майк разглагольствует о всемирно известном теноре – «Между прочим, он был фаворитом королевы», – Дженис утешается мыслью, что на самом деле они никогда, никогда не встретятся. Бывает, что Майк «удаляется по нужде», и тогда Дженис уже в который раз приходится оплачивать счет. В такие моменты она вспоминает, как Джорди пел для нее одну из своих любимых арий, пока она чистила духовку.

В последнее время пение Джорди становится все громче и громче. Дженис это беспокоит. Она заметила, что иногда ей приходится кричать, чтобы привлечь его внимание, а некоторые ее слова до него и вовсе не доходят.

А после кофе Джорди бродит за Дженис по дому, как тень.

Она чистит дровяной камин или подкладывает туда растопку и дрова, а Джорди маячит в дверях. Похоже, он нуждается в ободрении. Для такого известного человека Джорди удивительно скромен и не любит себя выпячивать.

– Вы куда-нибудь ездили? – спрашивает Дженис, надеясь подтолкнуть Джорди, ведь он явно хочет чем-то с ней поделиться.

Дженис угадала с первого раза. Джорди расплывается в улыбке:

– Да так, махнул ненадолго в Лондон. Эх, милая, каких только козлов там не встретишь!

– Могу представить, – произносит Дженис, надеясь, что ее ответа достаточно, чтобы Джорди продолжил.

К счастью, ему только этого и надо было.

– Еду я в метро, и тут заходит этот нахал. В вагоне, конечно, народу много, но особой давки нет. В общем, все терпят, никто не ноет. Двери уже закрываются, и тут в последнюю минуту протискивается какой-то тупой пижон – и давай выступать...

Тут Джорди довольно-таки убедительно изобразил пижона-козла, и Дженис улыбнулась. Все-таки правильно она составила график: и день, и всю неделю следует начинать именно с Джорди.

А между тем тупой пижон в исполнении Джорди разошелся вовсю:

– Что вы стоите? Подвиньтесь! Здесь еще полно места, я

же вижу! А тесно оттого, что вы толпитесь! Ну что за люди? Неужели трудно пройти в другой конец вагона? Давайте пошевеливайтесь! – Джорди выдерживает паузу, убеждаясь, что слушательница – вся внимание. – И тут из дальнего угла вагона раздаётся голос. Другой парень – похоже, лондонец – возьми да крикни: «Пряатель, а ты разинь варежку еще шире! Уж двоих человек мы туда точно запихнем!»

Дженис рассмеялась.

– Тут пижон мигом заткнулся, – закончил рассказ довольный ее реакцией Джорди.

Но Дженис ему не провести. Она-то знает, что нахала в метро осадил не кто-нибудь, а сам Джорди. Это он поставил пижона на место. Джорди слишком скромный, чтобы хвастаться, но Дженис и так все ясно. Она живо представляет, как его звучный голос разнесся по всему вагону, а другие пассажиры одобрительно засмеялись.

Довольный произведенным эффектом, Джорди уходит, а Дженис продолжает работу. Она тянется за тряпкой и думает: наверное, общение с такими людьми, как Джорди, – это уже счастье, чего ей еще желать? Многие люди, в домах которых она убирает, расцветчивают ее жизнь новыми красками, и Дженис надеется, что и она тоже привносит в их жизнь что-то свое, хотя бы чуть-чуть. Она протирает книжную полку, но вдруг ее рука с тряпкой замирает на середине. Откровенно говоря, Дженис не очень-то в это верит, и ей становится неудобно. Чужие истории принадлежат другим людям. Если

она играет в них хоть какую-то роль, то всего лишь эпизодическую. Она снова вспоминает про Гордость нации и пытается представить, как знаменитая актриса прибирается в музыкальном салоне Джорди и стоит с тряпкой в руке возле полок с партитурами. Смогла бы Гордость нации довольствоваться такой жизнью? Смущенная, Дженис снова принимается вытирать пыль. Собственный вопрос кажется ей ужасно глупым.

Перед уходом ей представляется еще одна возможность пообщаться с Джорди. Сейчас она пораньше пойдет на ланч, а затем отправится в дом к следующему клиенту. На улице пасмурно, и пронизывающе холодный февральский воздух просачивается внутрь. Джорди помогает ей надеть пальто.

– Спасибо, а то в такую погоду и простудиться недолго. Холодает прямо на глазах.

– Что? Простудились? Тогда поберегите себя, – советует Джорди.

– Нет, я здорова, – отвечает Дженис, на этот раз громче. – Я говорю: холодает, простудиться недолго!

Джорди подает ей шарф:

– Ну, до встречи на следующей неделе! И смотрите подлечитесь!

Дженис сдается.

– Мне уже лучше, – заверяет она, и это чистая правда.

Джорди закрывает за ней дверь, а Дженис пытается решить, чего в трагикомедии жизни больше – комедии или тра-

гедии?

Глава 2. Семейные истории

– Ну конечно, во всех библиотеках водятся привидения. Это же общеизвестный факт: призраки любят читать.

Молодой человек спускается по лестнице в библиотеке и с серьезным видом говорит все это своей спутнице – девушке лет двадцати пяти. Дженис с удовольствием последовала бы за ними, чтобы из их разговора разузнать побольше о привидениях. Тон молодого человека исполнен такой стопроцентной уверенности, будто он рассказывает своей подруге, что по небу летают птицы, а над ними плывут облака. Мысль о библиотечных привидениях интригует Дженис. Что, если сегодня она повстречает одно из них? В свой перерыв на ланч Дженис частенько забегает в библиотеку, чтобы сдать книгу, взять новую и потихоньку сжевать сэндвич за столиком, скрытом в укромном уголке между стеллажами.

Но никаких привидений Дженис не встретила – только сестер. То, что эти две библиотекарши сестры, видно сразу. Волосы у них одного и того же своеобразного оттенка каштанового: одни пряди рыжевато-золотистые, другие медные. У младшей сестры волосы до плеч, концы загибаются внутрь, у старшей – длинная коса, которую она носит чуть набок. Из-за этой прически старшая сестра напоминает Дженис маленькую девочку, хотя той наверняка под пятьдесят. Дженис считает, что коса очень идет библиотекарше, а вплетенные

в волосы разноцветные нити ей особенно нравятся. Она знает об этих женщинах немного – только то, что они действительно сестры и всего их в семье четверо. Младшая, та, что с волосами до плеч, как-то сказала ей: «Мама родила четырех девочек. Папа хотел сына, но мальчик никак не получался». Старшая сестра выразительно добавила: «Четыре дочери, представляете! Бедняга! Полный дом женщин». А младшая объяснила, что все четыре сестры очень близки и похожи друг на друга как две капли воды. «Но вообще-то, мы совсем разные», – сочла нужным вставить старшая сестра. Младшая кивнула: «Мы друг друга называем Умница, Красавица, Командирша и Малышка». Обе засмеялись. «Семейная шутка», – пояснила старшая. «Да, юмор для своих», – подтвердила младшая и улыбнулась сестре.

Дженис сразу подумала про собственную сестру и попыталась представить, как они работают бок о бок, разбирая книги в библиотеке Кембриджа. Она понимает, что это просто фантазия: от сестры ее отделяют тысячи миль и воспоминания, о которых она не говорит вслух. Но под настроение Дженис проигрывает в уме эти сцены так же, как истории, к которым ей хочется вернуться. Библиотекарши не знают, что Дженис тоже сестра, зато им известно, как она любит книги, и они с удовольствием обсуждают с ней ее любимые произведения. Сестры не из тех, кто считает, будто в библиотеке обязательно надо соблюдать тишину. «Это же естественно: тот, кто любит читать, любит и говорить о книгах», – как-то

заметила младшая.

Дженис пробовала угадать прозвища сестер. Спрашивать она не хотела – вдруг ошибется? Но она думает, что младшая – наверняка Красавица, а старшая – или Умница, или Командирша. Как-то раз перед закрытием она выпроводила всех посетителей меньше чем за две минуты.

Сегодня сестры приветствуют ее почти хором:

– Дженис, пришла ваша книга.

Сейчас она перечитывает произведения, которые давно знает и любит, поэтому заказала «Неуютную ферму» Стеллы Гиббонс.

Дженис с благодарностью берет книгу, а потом решается спросить:

– Как думаете, в библиотеке водятся привидения?

Чуть не провалившись под землю от смущения, Дженис удивляется, как молодой человек мог рассуждать на эту тему с такой непробиваемой уверенностью.

Старшая сестра перегибается через стойку:

– Странно, что вы об этом заговорили. Сегодня вы вторая, кто интересуется библиотечными призраками.

Ах да, тот самый молодой человек.

– Так они есть? Призраки?

Сестры всерьез обдумывают ее вопрос. Наконец старшая отвечает:

– Даже не знаю. Мне иногда кажется, что книги живут своей жизнью. Хотя, наверное, тут виноват мистер Бэнкс. Вечно

ставит их не туда, откуда брал.

Младшая сестра задумчиво глядит на старшую:

– Но ведь каждому известно, что привидения любят читать. Так что... Почему бы и нет?

Дженис так и тянет задать еще один вопрос: «Откуда вы знаете?» Вернее, так: «Почему о любви призраков к чтению знают все, кроме меня? Или вы просто повторяете слова молодого человека?» Но тут заходит компания мамочек с малышами, и сестрам становится не до Дженис.

Вместе со своими мыслями, «Неуютной фермой» и сэндвичами с сыром Дженис направляется к укромному столику. Некоторое время она сидит перед закрытой книгой и размышляет, влияет ли на истории людей их место в семье. И если да, то что это означает для нее? Однако развивать эту мысль Дженис не желает. Вместо этого она представляет, как после закрытия библиотеки вдоль полок скользит призрак. Картина выходит скорее успокаивающая, чем пугающая: привидение, любящее книги, совсем уж страшным быть не может. А успокоиться для разнообразия Дженис очень рада. Откровенно говоря, она постоянно на нервах. Список поводов для тревоги растет с каждым днем. Ее беспокоят загрязнение океана, пластиковые пакеты, изменение климата, беженцы, политические беспорядки, ультраправые, ультралевые, люди, вынужденные обращаться в банк продовольствия, чтобы прокормить своих детей, дизельные двигатели. Что, если ей надо сдавать в переработку больше мусора?

Или есть поменьше мяса? А еще Дженис тревожит Национальная служба здравоохранения, трудовые договоры с нулевым временем¹ и тот факт, что многие ее знакомые не получают ни оплачиваемых больничных, ни отпускных. И это в наше-то время! Ее одинаково глубоко волнуют проблемы тех, кто снимает квартиру, не имея никаких гарантий от собственника, и тех, кто живет с родителями до сорока лет. И наконец, Дженис тревожит то, что одни люди троллят других в Интернете или выкрикивают оскорбления, встретив на улице человека с другим цветом кожи.

Раньше Дженис спокойно читала газету и любила разгадывать кроссворды. Теперь же она каждое утро наскоро просматривает новости на планшете: вдруг случилось землетрясение или умер кто-нибудь из королевской семьи? Но читать подробности Дженис не в состоянии. Каждая новость добавляет новый пункт в ее список тревог. Беспокойство просачивается и в ее повседневную жизнь. Вместо того чтобы взбадривать себя новыми увлекательными книгами из библиотеки, она предпочитает перечитывать классику и своих давних любимцев: Остин, Харди, Троллопа, Теккерея, Фицджеральда.

Дженис открывает «Неуютную ферму», готовясь погрузиться в знакомый мир, полный юмора. К тому же главная

¹ Трудовой договор с нулевым временем не гарантирует работнику постоянную занятость, и по условиям работодатель оплачивает только фактически отработанные часы. – *Здесь и далее примеч. перев.*

героиня очень близка ей по духу: Флора Пост любит порядок, и Дженис тоже.

Полчаса спустя Дженис направляется к выходу из библиотеки тем же путем, что и молодой человек, верящий в привидения. Ее ждет следующий клиент, доктор Хуанг, а потом ей предстоит последнее на сегодня задание. Дженис спускается с крыльца и вдруг замечает на противоположной стороне улицы знакомую высокую фигуру. Эту грациозную походку узнаешь из тысячи. Дженис всегда удивляется, почему ее муж Майк – такой плохой танцор, ведь он даже ходит будто под музыку. Вот только как он здесь оказался? Дженис смотрит на часы. Он давно должен быть на работе. Когда Майк скрывается из виду, Дженис тщетно пытается утешить себя тем, что тревоги по поводу мужа в список добавлять не нужно. Они и так идут в нем первым пунктом.

Глава 3. Разноэтажные истории

Уже почти четыре часа дня, и рабочий понедельник Дженис вот-вот завершится на печальной ноте. Смех в начале дня, грусть в конце. Красный кирпичный дом стоит в стороне от дороги. Здание широкое и приземистое. Кажется, будто дом присел на корточки да так здесь и обосновался. Скромный фасад создает обманчивое впечатление. Как и у всех остальных домов на этой улице, позади есть пристройка с просторной светлой кухней-столовой. Она выдается в сад – здесь участки расположены параллельно друг другу. На чердаках владельцы обустраивают домашние офисы, игровые комнаты или гостевые спальни. А в этом доме на чердаке находится любимая комната Дженис. Ей кажется, что центр истории именно там. Комната – важная часть истории Фионы.

Открыв дверь, Дженис сразу понимает, что ни Фионы, ни ее сына Адама нет. У пустого дома свои особые звуки. Кажется, будто его покинули не только хозяева. Такое чувство, будто душа дома или спряталась, или тоже куда-то ушла. Тишина настолько глубокая, что ее становится слышно. Дженис уже не в первый раз замечает, что дома ведут себя подобным образом. Рано утром в Рождество тоже бывает тихо – почти, да не совсем. В отличие от хозяев, дом не спит, и стены буквально умоляют: «Дайте еще пять минут покоя!» – прежде

чем начнется праздничный тарарам. В утро перед похоронами у дома тоже особый звук, хотя, может быть, это скорее атмосфера: напряженная, застывшая, выжидающая. Два года назад Дженис испытала подобное чувство в этом самом доме. В тот день Фиона похоронила мужа, а Адам простился с папой.

На столике в коридоре лежит записка от хозяйки.

Повела Адама к ортодонту. Опять проблемы с брекетами! Деньги на кухонном столе.

Дженис вздыхает с облегчением, и ей тут же становится стыдно. Ей нравится Фиона, и она любит пить с хозяйкой кофе в ее кабинете, но, по правде говоря, Дженис иногда надеется, что Фионы не окажется дома. Поразмыслив как следует, Дженис заключает, что на это у нее три причины. Во-первых, в отсутствие хозяйки работается быстрее. А во-вторых – и здесь берет корни ее чувство вины, – когда эта приятная женщина средних лет разливает по чашкам кофе из ярко-красного кофейника, а потом садится напротив, попивая напиток маленькими глотками, от нее исходит такая грусть, что тяжело находиться рядом. Дженис переживает за Фиону – вот и еще один пункт в ее списке тревог. Но у этой женщины своя жизнь, а у Дженис своя. Она просто уборщица, о чем муж не устает ей напоминать.

Сделав львиную долю работы, Дженис признается сама себе в третьей причине, заставляющей ее радоваться отсутствию хозяйки. Сегодня она может подольше задержаться в своей любимой комнате на чердаке – вытянутой, с низким потолком. Конечно, про свои обязанности Дженис забывать не станет – у нее на этот счет строгие правила, – но во время уборки она будет думать про историю Фионы.

На чердаке, на широком столе, на котором когда-то стояла детская железная дорога – на зеленом войлоке до сих пор видны следы от рельсов, – висится кукольный дом. У внушительного игрушечного здания в стиле эпохи регентства три этажа. А еще здесь, как и в доме Фионы, есть комнаты на чердаке. Но на первом этаже вместо обычных столовой, кухни и кладовки располагается учреждение. Жилое пространство наверху, рабочее внизу. Фиона сделала элегантную миниатюрную вывеску с позолоченной надписью: «Джебедайдя Джури, гробовщик». Дженис не знает, откуда взялось это имя, однако она вынуждена признать, что звучит оно эффектно.

Дженис садится и открывает переднюю стену дома. Почти все помещения готовы: перед ней идеально уменьшенные копии разных комнат. Спальни, гостиная, детская и красиво обставленная кухня в деревенском стиле. Дженис она нравится больше всех. На столе – частично раскатанное тесто, а рядом миска со сливами размером с булабочные головки. За прошедшую неделю в домике произошли изменения: Фиона

обустроила одну из ванн. Сине-кремовые обои, украшенные узором пейсли, идеально подходят к гарнитуру из красного дерева и к ванне на когтистых лапах. Дженис осторожно поправляет крошечный синий коврик, висящий на миниатюрной вешалке для полотенец. Заметила Дженис и другое новшество. Внизу, в мастерской, стоит очередной изготовленный Фионой гроб: из орехового дерева, с крошечными медными ручками. Вряд ли нечто подобное продают в магазине товаров для кукольных домиков. Да и зачем? Ведь большинство покупателей интересуют маленькие комоды, пианино или даже корзинки для собак. Нет, Дженис уверена: гроб Фиона смастерила своими руками. Нахмутив лоб, Дженис сидит и смотрит на это изделие. Она не знает, что и думать.

Когда умер муж Фионы, она работала бухгалтером в юридической фирме. Но через два месяца после его смерти она уволилась и пошла учиться на специалиста в области ритуальных услуг. За кофе Фиона объяснила Дженис, что ее всегда привлекала эта сфера, но она никому об этом не рассказывала, потому что не хотела, чтобы ее считали странной.

Дженис ничего странного в этом призвании не видела. Когда люди женятся, руководство к действию им предлагают и в свадебных журналах, и в Интернете. Все знакомые забрасывают пару советами, даже когда их об этом не просят. Но если кто-то умирает, человек оказывается наедине с собой в мире, где все вокруг смущенно отмалчиваются. Дженис иногда помогает подруге, владелице кейтеринг-бизнеса, и за

прошедшие годы заметила, что все чаще вызывается подрабатывать на поминках и избегает свадеб. На похоронах люди чувствуют себя потерянными, и причиной тому не только горе, но и чисто английский парализующий страх сказать или сделать что-то не то. Многие рады тактичной подсказке, особенно когда она исходит от персонала, а не от других скорбящих. Поэтому Дженис понимала желание Фионы стать организатором похорон.

В процессе обучения Фиона сначала подрабатывала в похоронном бюро, потом устроилась туда на полный день. Не похоже было, чтобы она хоть раз пожалела о своем решении. Но еще один гроб? Их ведь и так уже складывать некуда. С тех пор Фиона успела поучиться на курсах. Из организатора похорон она переквалифицировалась в распорядителя гражданских церемоний. Специализация Фионы – нерелигиозные похороны. Это Дженис тоже понимает: тем, кто не следует религиозным традициям, тоже нужна упорядоченность и успокаивающие ритуалы. Дженис знала атеистов, которых хоронили по обряду какой-либо религии только потому, что семья, не зная о других вариантах, обратилась к установленным традициям.

Дженис достает из кармана передника длинную тонкую трубочку и вытаскивает из нее металлическую проволочку, к которой рядком прикреплены крошечные зеленые перышки. Фиона не единственная мастерица миниатюр. Дженис по очереди смахивает метелочкой пыль в каждой комнате,

восхищаясь продуманностью деталей. Может быть, создание крошечного мира помогает Фионе разобраться в своем собственном? Дженис совсем не уверена, что это так.

Хотя, похоже, новое занятие пошло Фионе на пользу. Дженис уверена, что та с большой добротой и тактом помогает людям справиться с потрясением и горем, этими неизбежными спутниками потери. Дженис в первый раз после трагедии услышала, как Фиона смеется, когда они говорили о ее работе.

Они вместе пили кофе в кабинете Фионы. Хозяйка сидела в низком кожаном кресле, свернувшись калачиком и подобрав ноги под твидовую юбку. На ней был светло-зеленый свитер, и Дженис подумала: она точь-в-точь деревенский викарий, только стоячего воротничка не хватает. Может быть, поэтому общение с Фионой действует на скорбящих успокаивающе? Вот хозяйка сдвинула очки на лоб, провела рукой по коротко подстриженным пепельным волосам и положила на колени стопку листов. Фиона объяснила, что извела столько бумаги, пытаясь написать речь о покойнике, к которому все знакомые дружно испытывали неприязнь.

– Вы удивитесь, сколько семей поручают написать и произнести речь мне, – проговорила Фиона, взглянув на Дженис.

– Может, они стесняются говорить на людях? – робко предположила та.

Дженис не только нервная – она еще и застенчивая.

– Зато орать и драться на людях они совсем не стесняются, – с улыбкой заметила Фиона.

Дженис кивнула. Она и сама наблюдала на поминках подобные сцены. Однако, несмотря на застенчивость, у Дженис удивительно хорошо получается гасить конфликты.

– Как вам такой вариант: «Он был человеком своего поколения»? – спросила Фиона, взяв в руки верхний лист из стопки.

– Хм... Не очень.

– «Он обладал яркой индивидуальностью»?.. – с сомнением предложила Фиона.

– А может быть, попробовать так? – Дженис на некоторое время задумалась, глядя в окно. – «Те, кто близко знал этого человека, никогда его не забудут».

Услышав смех Фионы, Дженис поспешно обернулась. Хозяйка не смеялась уже несколько месяцев. Дженис едва не заплакала.

– То, что надо, – широко улыбнулась Фиона.

Смахнув всю пыль в изящном кукольном домике, Дженис аккуратно закрывает дверцу. Ей хотелось бы, чтобы этот очаровательный предмет стал символом истории Фионы. Аллегорией нового, неожиданного поворота судьбы, приведшего к исцелению и возрождению. Такую историю Дженис с радостью добавила бы в свою коллекцию. Но она все больше сомневается, что у истории Фионы счастливый финал. Внутри скрывается тьма, а в этой тьме – что-то очень важное, о чем

хозяйка умалчивает. Более того, старается не замечать. Дженнис чувствует недоброе, и ей становится не по себе. Она невольно вспоминает собственное детство, а в те времена ей совсем не хочется возвращаться.

Глава 4. У каждого есть своя песня (и повод для танца)

Стоя на автобусной остановке, Дженис думает, придет ли сейчас тот же водитель, что и утром. С тех пор как автобус вздохнул, задрезбезджал и закрыл двери, ее не покидает ощущение недосказанности. Ей кажется, будто водитель в тот момент тоже вздохнул. Что он хотел ей сказать?

Когда автобус подъехал и Дженис забралась внутрь, то чуть не рассмеялась. Водитель – полная противоположность того, с которым она ехала утром. Похоже, кто-то наверху, что бы ни означало это «наверху», над ней смеется. Водителю вечернего автобуса чуть за тридцать, и он настоящий великан, причем объем явно создан не жиром, а мышцами. Бритая голова, внушительная борода, татуировки на шее. Он смахивает на байкера из клуба «Ангелы ада». А утренний водитель больше напоминал учителя географии.

Стоит Дженис сесть, и на нее сразу накатывает усталость. Ей хочется сбросить туфли с опухших ног, но проблема в том, что потом придется их надевать, а это дело нелегкое. Вместо этого Дженис растекается по сиденью, полностью расслабив все мышцы. Ее покачивает в такт движению автобуса. Дженис отключает голову и лениво слушает разговоры других пассажиров. Нет, она не подслушивает: просто чужая

речь течет мимо, как река, и время от времени Дженис вылавливает из потока нить. Бывает, что все эти разрозненные нити ни к чему не ведут, но иногда ей везет: нить оказывается путеводной и указывает дорогу к манящим проблескам чьей-то истории. Поездка от центра Кембриджа до деревни, где живет Дженис, занимает всего полчаса, поэтому она часто вынуждена призывать на помощь воображение, чтобы заполнить белые пятна. Дженис всегда рада возможности пофантазировать – так она сама не замечает, как доходит от остановки до дома. Однако эти истории Дженис помещает строго в отдельную категорию, посередине между правдой и вымыслом.

Сегодня вечером Дженис не надеется услышать что-то достойное внимания. Автобус заполнен лишь наполовину, почти все пассажиры едут молча. А впрочем, Дженис не возьмет на себя смелость утверждать, будто у нее на истории особый нюх. Для собирателя историй особенное удовольствие – наткнуться на что-то любопытное там, где меньше всего ожидаешь. Она вспоминает дряхлую старушку, с которой разговорилась, когда стирала в прачечной самообслуживания пуховое одеяло клиентов. Оказалось, эта женщина служила стюардессой и работала на самолете, совершившем первый коммерческий перелет из Лондона в Нью-Йорк. Аккуратно складывая одеяла с атласной каймой (муж старушки терпеть не мог пуховые), она рассказала Дженис о моменте приземления.

«Понимаете, компания „Пан-Ам“ объявила, что побьет рекорд первой. Они уже и рекламу разместили. Но примерно за неделю до того рейса мой начальник в „БОЭК“ отвел меня в сторонку, дал подписать договор о неразглашении, а потом заявил, что мы обгоним „Пан-Ам“, и спросил, не хочу ли я быть в команде. Сами понимаете, что я ответила».

Дженис вспоминает, как старушка выдержала паузу, поправляя свою затрапезную стеганую куртку. На секунду ее рука потянулась к голове, будто она заодно хотела проверить, не сбилась ли форменная шапочка стюардессы. Но потом старушка заправила седые волосы за ухо и продолжила: «Мы, девушки, выходили на работу при полном параде. Форма у нас была почти военная, не то что у нынешних стюардесс. Но в тот день мы превзошли сами себя. До сих пор помню, как назывался оттенок моей красной помады: „Дерзкий восторг“. Решила, что для такого дня самое то. И рейс состоялся! Когда самолет приземлился и мы вышли, все, кто работал в „Пан-Ам“ собрались, чтобы нас освистать, а нам хоть бы что! Я шла по полосе, и мне казалось, будто я высокая-высокая – метр восемьдесят, не меньше!» Старушка подняла голову и улыбнулась. Дженис попыталась представить юное лицо, сияющее такой же победной улыбкой. Потом она помогла старушке донести одеяла до машины. Больше Дженис ее не видела. Зато у нее осталась история бывшей стюардессы. Дженис вспоминает ее в те дни, когда ей совсем не до улыбок. Ведь улыбка старушки была такой сияющей,

что осветила бы и гораздо большее пространство, чем прачечная на задворках Кембриджа. Например, самолет. Должно быть, так оно и было, думает Дженис. Она бросает взгляд на свое отражение в залитом дождем окне автобуса. Да, вот это хорошая история. А еще она лишний раз напоминает, что ни в коем случае нельзя недооценивать пожилых людей. Не то чтобы Дженис нуждалась в подобных напоминаниях, но лишний раз закрепить пройденный материал не мешает.

Вдруг ее внимание привлекает одна беседа. Впрочем, у молодого человека такой громкий голос, что его только глухой не услышал бы. Он обращается к девушке. На пару не похожи. Должно быть, просто друзья.

Он: Слышала, выпустили «Джек Дэниелс» с бананом?

Она: Фу, даже звучит противно!

Он: Да уж. Но я на эту штуку прямо подсел.

И все. Кажется, тема закрыта. Впрочем, Дженис не испытывает ни малейшего желания разматывать эту нить.

Сзади негромко болтают две женщины. Похоже, представительницы среднего класса. Наверняка вежливые и приятные. Явно подруги.

– Иду я по парковке возле театра, и тут смотрю – он!

– Кто?

– Актер. Ну, ты его знаешь. Он сейчас с экрана не сходит.

– Хью Бонневилль?

«При таком малом количестве зацепок догадка неплохая», – думает Дженис.

– Да нет! Он еще в «Наблюдателе» играл. Ты наверняка смотрела.

Откуда такая уверенность?

– Билл Найи?

– Нет! Он черный.

– Билл Найи не черный! А-а, ты про актера на парковке.

Тогда... Идрис Эльба?

Дженис тоже первым делом предложила бы его.

– Нет, постарше, он еще снимался в фильме с...

Тут женщина упоминает Гордость нации, и на какую-то секунду Дженис кажется, будто ее поймали с поличным. Она неловко ерзает на сиденье.

– Да, люблю эту актрису...

И разговор переключается на Гордость нации. Дженис понимает двух подруг: актриса и впрямь очень талантливая. Но в эту тему она углубляться не хочет. Дженис снова разглядывает капли дождя на стекле. И вдруг замечает ее.

Сначала Дженис видит отражение. Она медленно поворачивает голову, наблюдая за женщиной краем глаза. Дженис заметила ее еще раньше: она едет стоя, хотя в автобусе полно свободных мест. Женщина молодая – лет двадцать с чем-то, ближе к тридцати. Высокая, стройная, одета в полосатое шерстяное платье и длинный кардиган тех же цветов – темно-зеленого и золотистого. Черные колготки на оттенок темнее, чем кожа рук, зато точно совпадают по цвету с волосами. Глаза полузакрыты. На первый взгляд кажется, будто она

застыла неподвижно, но, если приглядеться, можно уловить едва заметные движения. Одна нога выставлена чуть вперед, и мышцы на ней чуть напрягаются. А еще она едва заметно покачивает головой из стороны в сторону. Тут Дженис находит взглядом наушники, почти полностью скрытые среди тугих спиралей кудрей. Вдруг рука девушки будто помимо воли хозяйки взлетает в плавном взмахе. Элегантное движение исполнено радости. Что, если перед Дженис танцовщица? Потом рука возвращается на свое место, а другие едва заметные движения продолжают.

Дженис очень любопытно, что слушает девушка. Она многое бы отдала, чтобы услышать музыку, от которой рука выходит из повиновения хозяйке и танцует сама по себе. Раньше Дженис любила танцевать. Конечно, у нее никогда не было подходящей фигуры, как у этой девушки, и все же при звуках некоторых песен ее тело начинало им подпевать. Руки и ноги сами собой приходили в движение, и Дженис чувствовала: как бы она ни выглядела со стороны, в этот момент они с мелодией одно целое. В эти прекрасные драгоценные минуты, когда ее бедра покачивались в ритме танца, а руки взлетали над головой, Дженис не было ни малейшего дела, что о ней думают люди в комнате – да и в целом мире. Когда Дженис танцует, из серой мышки она превращается в львицу.

Вот автобус подъезжает к ее остановке. Дженис нехотя встает. Ей бы очень хотелось еще понаблюдать за девушкой,

но в ипостаси серой мышки она постесняется беспокоить незнакомку, чтобы спросить, что та слушает. Дженис ступает на тротуар, автобус за спиной вздыхает, и сквозь шипение и дребезжание через щель между закрывающимися дверьми до нее долетает голос. Заинтригованная, Дженис оборачивается.

– Приятного вечера, красавица! – весело кричит ей молодой водитель.

Дженис шагает прочь с растущей уверенностью, что боги и в самом деле над ней потешаются.

Глава 5. История мужа

Бывают дни, когда Дженис подходит к их на самом деле маленькому домику и думает: чтобы переступить через порог, ей понадобятся не столько ноги, сколько руки. Она будет вынуждена вцепиться обеими руками в дверной проем, иначе себя внутрь не затащить. А если муж начнет свой монолог прежде, чем она успеет ступить в прихожую, придется втаскивать себя внутрь насильно. Возможно, недалек тот день, когда без хорошего пинка под зад Дженис порог не преодолеет. Она знает: на то, что муж протянет руку помощи, рассчитывать бесполезно. Дженис не позволяет себе слушать тихий голосок, который иногда шепчет ей на ухо: «Дженис, а Дженис? Может, развернемся и пойдем обратно?» Почему-то голос шепчет с ирландским акцентом. Наверное, причина в доброте сестры Бернадетты. У многих знакомых Дженис монахинь возникали трудности с заповедью «возлюби ближнего своего», но сестра Бернадетта не из их числа.

Дженис открывает дверь. Сегодня в доме тихо, и через порог переступить легче. Но это не абсолютная неподвижная тишина пустого дома. Комнаты будто притихли – так бывает, когда хозяин спит. Она находит Майка на диване. Он сидит, откинув голову на спинку. Ноги на журнальном столике, на животе балансирует полупустая миска с чипсами. Дженис возвращается в прихожую, сбрасывает туфли, разминает но-

ги и идет на кухню. Как только Майк проснется, первым делом спросит: «Что у нас на обед?» Голос у Майка веселый – ни нытья, ни повелительных ноток. Вопрос звучит почти подружески, но больше Дженис на эту удочку не попадет.

Моргая спронею, Майк заглядывает на кухню и вдруг ошарашивает Дженис неожиданным вопросом: подумать только, он спрашивает, как прошел ее день! Дженис настолько изумлена, что все тревоги по поводу того, что он делал возле библиотеки в разгар рабочего дня, мигом вылетают у нее из головы. Она начинает рассказывать свои новости, гадая, с чего вдруг Майк выбрал именно этот вечер, чтобы спросить ее о работе. Но долго ломать голову не приходится. Майк перебивает ее, прежде чем она успевает закончить фразу. Выходит, он даже не слушал. Дженис удивляется, что после стольких лет наступают на те же грабли, ведь на секунду в ее сердце пробудилась надежда: Майк проявил к ней интерес!

– Хорошо, что ты любишь свое дело. – (Разве Дженис хоть слово об этом сказала?) – Все-таки замечательно, что у тебя есть работа. А что у нас на обед? – Майк улыбается жене.

– Пастуший пирог.

Дженис подумывала о том, чтобы испечь на десерт блинчики. Эта мысль пришла ей в голову в тот момент, в ту секунду, когда Майк спросил ее, как прошел день.

– Что, десерта сегодня не будет?

Майк – мужчина крупный, к тому же сластена. Мама все-

гда готовила для него фантастические десерты, о чем муж не устает напоминать Дженис.

– В холодильнике есть йогурты.

Дженис сама понимает, как жалко выглядит ее попытка бунтовать.

– Ты говорил: замечательно, что у меня есть работа... – напоминает она мужу.

Она сама не знает, зачем облегчает ему задачу. Наверное, просто хочет поскорее завершить этот разговор.

– Ну да. Понимаешь, Джен, тут такое дело... – Вот он и перешел к сути, да еще и начал с сокращенного имени, которое она не выносит. – Не знаю, долго ли еще удержусь на нынешней работе.

Вот она, история ее мужа во всей красе.

Дженис знает Майка тридцать лет, и за это время он сменил двадцать восемь рабочих мест. В защиту Майка можно сказать, что он не лентяй. Наверное, именно поэтому Дженис каждый день удаётся переступить через порог. Все двадцать восемь работ разительно отличались одна от другой. Майк работал продавцом, учился на специалиста по охране труда, пробовал себя в качестве водителя, фитнес-тренера, бармена, санитара, а теперь служит привратником в одном из крупнейших колледжей Кембриджа. Майк поработал и в малом бизнесе, и в крупных компаниях, и в свободном полете побывал. На разных этапах брака Майк и Дженис ездили на всех транспортных средствах, начиная от «БМВ» и за-

канчивая подержанным фургоном. А однажды летом у них во дворе и вовсе был припаркован фургончик мороженщика. Майк водил и тракторы, и вилочные погрузчики, но, к счастью, у дома их не ставил. В разных ипостасях он своей легкой танцующей походкой прошел через магазины, фабрики, склады, пекарни, колледжи и больницы и везде делился со всеми своей житейской мудростью. Майк даже некоторое время работал финансовым консультантом (иронию Дженис заметила и оценила).

Майк – человек приятный. У него неплохое чувство юмора, да и свои идеи он сразу не навязывает. Дженис подозревает, что именно благодаря его обаянию ему каждый раз удастся устроиться на новое место. Майк умеет и расположить к себе, и убедительно объяснить, почему у него такая нестабильная карьера. Дженис уверена, что многие работодатели взяли его чисто из жалости. Она припоминает одну-двух начальниц, увидевших в Майке мужчину, которого не понимают. Несмотря на растущий живот и отвисшие брыли, он по-прежнему не лишен привлекательности.

Однако со временем все начальники Майка убеждаются, что он разбирается в их деле гораздо лучше, чем они. Первые две-три недели чаще всего проходят благополучно. Иногда затишье растягивается на несколько месяцев. Но вот Майк все чаще начинает поправлять своих руководителей. Сначала он дает советы лишь по мелким поводам, но вскоре выбирает себе жертву – сотрудника, который, по его мнению,

работает из рук вон плохо. Нет, Майк этого так не оставит. Он берется за дело с искренним пылом и много рассуждает о благе компании. Майк зрит в корень проблемы. Бывает, что в результате «слабое звено» увольняют. Тогда Майк находит новый объект, а то и несколько.

Через некоторое, зачастую довольно длительное время начальство задается вопросом: как Майк успевает заметить столько соринки в чужих глазах? Он часто опаздывает, а когда нужно выполнить задание – к примеру, доставить партию товара в срок, – Майк загадочным образом исчезает. Тут Дженис снова вспомнила, как посреди дня увидела его возле библиотеки, а ведь ему в это время следовало быть в привратницкой. Тут руководство начинают одолевать сомнения. Дженис этот переходный период знаком, как никому другому. Когда они только поженились, она проживала каждый рабочий день вместе с Майком: сочувствовала, когда он сталкивался с трудностями, злилась на коллег, которые его подставляют, возмущалась тем, что начальники не ценят такого сотрудника. Только когда Майка уволили с четвертой работы, Дженис будто осенило, и она вынуждена была признать неприятную правду: похоже, проблема не в фирмах, а в Майке.

За годы ее муж научился чувствовать момент и выпрыгивать за борт, прежде чем его столкнут. Порой момент был подходящим для Майка, но не для Дженис: взять хотя бы тот раз, когда она ждала ребенка – их сына Саймона или ко-

гда они только что взяли ипотеку, а сейчас Дженис... Впрочем, она и сама не может объяснить, что такого особенного происходит в ее жизни сейчас. Но одно она знает наверняка: она совершенно не расположена слушать обличительные речи в адрес руководства колледжа, особенно после того, что ей шептала на ухо сестра Бернадетта.

Однако Дженис позволяет Майку с пеной у рта искать виноватых и доказывать, что ему просто необходимо сменить обстановку. Но она его больше не слушает. Интересно, в чем смысл истории ее мужа? Неужели он просто человек, испробовавший тысячу работ? Что, если он этакий Уолтер Митти?² Во всяком случае, мир, в котором живет Майк, совсем не похож на мир других людей. Или у этой истории есть зловещий подтекст? Что, если Майк – мастер иллюзий? Гипнотизер? Как бы Дженис ни старалась отгородиться от мира, который он для себя выстроил, какую-то ее часть Майк прочно удерживает там. Да, руку он ей не протягивает, зато крепко сжимает край ее пальто в своем пухлом кулаке и ни в какую не желает отпускать. Когда Дженис спрашивает себя, боится ли она этого кулака, ответ очевиден. В чисто физическом плане Майк угрозы не представляет. Он слишком грузный и медлительный. По-настоящему надо опасаться других мужчин – маленьких и жилистых.

² *Уолтер Митти* – персонаж рассказа американского писателя Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1939), скромный и неприметный человек, в мире своих фантазий живущий яркой, героической жизнью.

После обеда Майк укладывается спать, предоставив жене убирать со стола («Джен, тебе ведь не трудно? Мне надо о многом подумать»). Дженис закрывает дверь кухни и некоторое время стоит, глядя в окно на полукруг из одинаковых домов и зеленый луг за ними. Она думает, где сейчас девушка из автобуса и под какую мелодию она танцует. Дженис с радостью включила бы на кухне музыку, под нее работается веселее, но еще не хватало, чтобы явился со своими жалобами Майк. Тут Дженис вспоминает про наушники: Саймон подарил их папе на Рождество. Их сыну двадцать восемь, и он работает в Сити. Чем он там занимается, Дженис толком не понимает. Саймон давно уже отдалился от родителей. Один из основополагающих законов в личном королевстве Майка – его единственный сын должен был получить образование в частной школе-пансионе, причем в такой, о которой все слышали.

Джен, мальчику нужно дать все самое лучшее.

Ты же не хочешь, чтобы он потом страдал оттого, что мы (Майк имел в виду – она) упустили такой шанс.

Это было в начале ее карьеры уборщицы. Больше ничего Дженис не умела, а о том, чтобы она пошла учиться и расширила свои возможности, и речи не шло.

Джен, интересы ребенка у тебя должны быть на первом месте. Вдобавок на новой работе дела у меня идут хуже, чем я рассчитывал. Не коллектив, а сборище неумех! Да и руководство не лучшее, уж я бы открыл им глаза...

По горькой иронии теперь их блестяще образованный сын всячески избегает общения с ней и с отцом. С Майком – потому что видит его насквозь. А с Дженис... Она боится, что в своей школьной ссылке сын винит именно ее, ведь она позволила отослать его прочь. Саймон приезжает редко, а несколько лет назад он не стал возиться с подарками на Рождество и просто выписал родителям чек. Сумма была весьма щедрой, но Дженис порвала чек в мелкие клочья и засунула обрывки поглубже в пакет с мусором для переработки. Должно быть, Саймон заметил, что чек так никто и не обналичил. С тех пор он присылал родителям подарочные ваучеры магазина «Джон Льюис». Отправлять их проще простого, а воспользовались ими или нет, узнать невозможно. Свой рождественский ваучер Дженис до сих пор носит в кошельке, а Майк оплатил своим дорогие наушники.

«Глядите, мужики, – хвастался он приятелям в пабе. – Вот каким подарком меня сынок побаловал. Он всегда покупает только лучшее».

Дженис отправляется на поиски наушников Майка и гадает, почему до сих пор живет с мужчиной, к которому не испытывает не то что любви – даже симпатии: то ли причина в жалости, то ли она искупает свою вину за то, что позволила отправить Саймона в школу.

Мистер Мукерджи – когда-то он играл в крикет за индийскую юниорскую сборную – останавливается и ждет свою со-

баку. Из деликатности он отводит взгляд от присевшего на траве животного и замечает свою соседку Дженис, танцующую в освещенном кухонном окне. Она кружится на месте, одна ее рука описывает над головой дугу. Есть что-то притягательное в этих ритмичных движениях. От Дженис мистер Мукерджи такого не ожидал. Пожалуй, ему следовало бы отвернуться, но танцующая голова и плечи – в окно больше ничего не видно – словно заморозили его. Не чувствуя зимнего холода, мистер Мукерджи стоит на лугу и улыбается.

Глава 6. В каждой истории должен быть злодей (примечательное исключение)

Когда уборщица нарасхват, чаще всего она сама выбирает, на кого работать. Дженис хорошо относится ко всем своим клиентам, за одним примечательным исключением.

Перед ней большой современный дом, построенный в форме буквы «V» из сложенных друг на друга бетонных блоков. Он горделиво раскинулся на участке земли, который раньше был частью территории одного из относительно новых колледжей. Этот дом напоминает Дженис крупного мужчину, расставившего ноги, чтобы занимать больше места, чем нужно, хотя это и невежливо. Под ногами Дженис хрустит бразильский гравий, и ее охватывает причудливая смесь страха и радостного предвкушения.

Дверь открывает хозяйка. Ключ от этого дома Дженис не доверяют. Перед ней стоит импозантная женщина лет пятидесяти с небольшим. Одета она в одно из собственных творений – темно-синее платье-пальто. Ткань тут и там рассекают латунные молнии цвета мочи. Там, где молнии расстегнуты, виден шелк с узором из неоновых лошадиных голов. Каждую неделю хозяйка встречает Дженис в новом платье-пальто: она разработала целую коллекцию, которую продает в ос-

новном своим подругам. А в свободное время эта женщина любит заниматься благотворительностью – «успешные люди должны делиться с ближними». Для этого она собирает у себя дома сотрудников различных благотворительных организаций и делится с ними своей житейской мудростью. «Мой опыт бесценен. Если перевести его в деньги, он будет стоить тысячи. Нет, серьезно». Время от времени она жертвует нуждающимся платье-пальто. В такие моменты Дженис старается держаться поблизости исключительно ради того, чтобы увидеть лица собравшихся благотворителей.

У этой женщины есть имя, но для Дженис она навсегда останется миссис АгаАгаАга. Это свое «ага» она повторяет, разговаривая по телефону, болтая с подругами и делясь мудростью с работниками благотворительной организации, которую почтила вниманием в этом месяце. Наверное, таким образом хозяйка хочет сказать «да», но одного «ага» ей мало, без трех никак не обойтись.

Муж миссис АгаАгаАга тоже работает дома. Насколько известно Дженис, он сделал успешную карьеру в Сити, заработал целое состояние и потратил часть его на строительство архитектурного кошмара, который эта пара называет домом. Здесь много пустого пространства и сверкающих гладких поверхностей. Казалось бы, Дженис грех жаловаться. Дом, конечно, велик, но наводить здесь порядок легко. В задней части расположен большой куб, который муж хозяйки использует в качестве кабинета. Если Дженис во время уборки пы-

тается проникнуть в эту часть дома по распоряжению миссис АгаАгаАга, муж, не поднимая головы, машет листом бумаги, или папкой, или рукой и рывкает: «Нет, только не сейчас!» Выходит, миссис АгаАгаАга замужем за мистером НетТолькоНеСейчас. Дженис подозревает, что именно из-за него у пары нет детей.

Миссис АгаАгаАга хорошо платит Дженис за работу. Хозяйка не кричит на нее и не оставляет кастрюли, унитазы, ванны и духовки в таком омерзительном состоянии, что к ним подступиться страшно. Однако эта женщина повинна в двух серьезных прегрешениях, которые Дженис не может ей простить. Одна из немногих вещей на кухне, которым позволено стоять на столешнице, – это чудо современной техники – итальянская кофемашина. Настоящее произведение искусства. В обязанности Дженис входит разбирать и мыть ее, но уборщицу ни разу не пригласили отведать кофе, который варит этот замечательный аппарат. В кухонном шкафчике над кофемашиной стоит банка растворимого кофе собственного бренда супермаркета «Теско» – специально для Дженис. По ее наблюдениям, а наблюдала она внимательно, это единственный продукт, который миссис АгаАгаАга покупает в «Теско».

Второе прегрешение: хозяйка обращается к Дженис «миссис Пи». Дженис на это разрешения не давала, а впрочем, она в любом случае не решилась бы возразить. А теперь уже поздно. У себя в голове Дженис может критиковать миссис

АгаАгаАга сколько угодно, однако она слишком робкая, чтобы высказать хотя бы часть своих претензий хозяйке в лицо.

Вот поэтому у миссис АгаАгаАга и нет истории. Дженис из принципа проявляет к хозяйке ровно столько интереса, сколько требует работа, а в драгоценную библиотеку в ее голове миссис АгаАгаАга вход закрыт. Дженис хранит в памяти лишь один случай. На полноценную историю он не тянет, зато, как кажется Дженис, в этом эпизоде вся миссис АгаАгаАга.

В дом пришла группа сборщиков средств для детского благотворительного фонда. Миссис АгаАгаАга организовала для них мероприятие по тимбилдингу. Для упражнения нужно было представить, будто их носит по морским волнам в утлой лодчонке. На листах бумаги были перечислены их воображаемые товарищи по несчастью, среди которых присутствовали филантропы, борцы за права детей, сами дети (разного возраста) и несколько менее приятных персонажей, в том числе политиков и журналистов. Лодка шла ко дну, и смысл упражнения заключался в том, чтобы выбрать, кого из пассажиров, включая сотрудников фонда и миссис АгаАгаАга, пощадить, а кого выбросить за борт.

Никто не хотел говорить первым, и вот наконец миниатюрная темноволосая девушка из фонда робко предложила упростить дело и сразу снять с рассмотрения детей. Тогда останется только решить, кем из взрослых придется пожертвовать. Миссис АгаАгаАга тут же встряла с возражениями:

«С какой стати? По-вашему, моя жизнь значит меньше, чем жизнь ребенка?» Дальше она продолжала в том же духе. К концу упражнения миссис АгаАгаАга побросала за борт кучу народу, не пощадив и воображаемого ребенка, больного муковисцидозом: «Он бы все равно долго не протянул».

У Дженис потеплело на сердце, когда миниатюрная темноволосая девушка прыгнула из лодки за ребенком. Но миссис АгаАгаАга такой поворот событий не устроил. «Это не по правилам. В море бросаться нельзя. Все должно быть правдоподобно, а так никто бы не поступил». Но девушка категорически отказалась возвращаться на борт. Дженис не знала, что ею руководило: то ли она просто готова была на все, лишь бы не плыть в одной лодке с миссис АгаАгаАга, то ли искренне верила, что посторонний человек способен пожертвовать собой ради ребенка. Дженис надеялась, что второй вариант ближе к истине, и, когда ей велели принести еще кофе, положила девушке побольше шоколадного печенья.

Сегодня Дженис убирает, а миссис АгаАгаАга крутится поблизости. Обычно хозяйка так себя не ведет, и Дженис нервнует ее присутствие. Она чувствует себя не в своей тарелке. Миссис АгаАгаАга рассказывает о том, чем занималась на этой неделе и на какой спектакль ходила. Она разговаривает с Дженис, будто с женщиной, которая тоже регулярно ходит в театр или даже пьет капучино, сваренный кофемашиной. К такому Дженис не привыкла. Хозяйка болтает без умолку, а Дженис не знает, куда деваться от смущения,

и считает каждый круг, который описывает на деревянном полу шваброй особой модели с длинной ручкой (и, конечно же, без кашемировых волокон не обошлось). Дженис решает: если миссис АгаАгаАга последует примеру Майка и тоже спросит, как прошел ее день, она просто возьмет пальто и уйдет.

Но вместо этого миссис АгаАгаАга объявляет:

– Миссис Пи, у меня для вас предложение.

На секунду в голову Дженис закрадывается смехотворная мысль: неужели миссис АгаАгаАга и мистер НетТолькоНеСейчас – свингеры? Дженис принимается вытирать пол по особенно широкой дуге, чтобы повернуться к хозяйке спиной и скрыть ухмылку. Дженис молчит. Она понятия не имеет, что говорить.

Даже спиной она чувствует, как волнуется миссис АгаАгаАга, а ведь для нее это совершенно не типично. Задним числом Дженис понимает: она должна была сразу распознать тревожный звоночек.

– Миссис Пи, лишние деньги никому не помешают, и я сразу подумала о вас.

Дженис в полном недоумении. О чем ее собирается просить миссис АгаАгаАга? С чего вдруг хозяйка так разнервничалась?

– Много времени это дело не потребует, а заплатим мы достойно. График составите на свое усмотрение. Пяти-шести часов в неделю вполне достаточно. Понимаете, моей све-

крови очень нужна помощь. Ей уже за девяносто, и дома у нее... – Миссис АгаАгаАга передергивает. Похоже, заканчивать эту фразу она не хочет, но, поняв свою ошибку, быстро поправляется: – Только не подумайте, будто туда зайти страшно. Вещей, конечно, скопилось многовато, но вы наверняка видали дома и похуже. А когда наладите там хозяйство, дело пойдет легче. – После паузы миссис АгаАгаАга добавляет: – Дом смежный с одним из колледжей. Он, вообще-то, очень живописно смотрится.

Дженис вытирает пол очень-очень медленно, чтобы выиграть время.

– Извините, я сейчас довольно загружена.

Больше ей ничего в голову не пришло.

– Но ведь не перегружены?

Миссис АгаАгаАга заметила слабое место и ловко вставила ногу в туфле-лодочке из кожи аллигатора в закрывающуюся дверь.

– Ну, у меня всю неделю много работы... – пытается вернуться Дженис.

– Выбирайте любые дни, мы вам заплатим хорошие деньги.

Тут Дженис призадумалась. Майк вот-вот опять станет безработным, а реже ходить в паб он из-за этого не будет.

Но миссис АгаАгаАга еще не договорила:

– У нас два пути, миссис Пи, или мы обеспечиваем старушке помощь на дому, или придется искать для нее дом

престарелых. Конечно, не хотелось бы, но ей ведь уже девяносто два...

Лучше не придумаешь! В список тревог Дженис добавился новый пункт: по ее милости старую женщину вышвырнут из собственного дома в казенное заведение, провонявшее мочой и капустой.

– Пожалуй, разок я могу к ней сходить. Но ничего не обещаю.

Миссис АгаАгаАга даже не слушает:

– Вот и замечательно, миссис Пи! Так и знала, что на вас можно положиться. Сейчас дам вам адрес. – Хозяйка несколько раз проводит пальцами по краю столешницы и наконец произносит: – Только учитывайте, что она в возрасте. Сами знаете, что за народ эти старики. А впрочем, вас трудно вывести из равновесия. Вы всегда такая спокойная и невозмутимая!

Но Дженис эти слова игнорирует, ведь у ее ног садится тот, ради кого она до сих пор работает у миссис АгаАгаАга. Тот, встречи с кем она ждет в счастливом предвкушении. Маленький лохматый фокстерьер сидит на полу и смотрит на нее снизу вверх. Морда у него очень выразительная. Иногда, вернее, очень часто Дженис кажется, будто собака обращается именно к ней. По глазам фокстерьера все понятно без слов. А теперь она почти готова поверить, что собака дает нагоняй миссис АгаАгаАга: как хозяйка смеет судить о Дженис так, будто видит ее насквозь? Пес бросает взгляд на

миссис АгаАгаАга, а Дженис слышит невысказанные слова:
«Какого фига ты возомнила, будто все знаешь про Дженис?
Хоть бы раз поговорила с ней по-человечески!»

Глава 7. История про собачью жизнь

– Это Деций, наш фокстерьер. – Одной из первых фраз, которые Дженис услышала от миссис АгаАгаАга, была именно эта, а потом хозяйка торопливо добавила: – Надеюсь, вы любите собак, мы бы хотели, чтобы вы с ним гуляли.

А ведь могла сказать, как все нормальные люди: «Надеюсь, вы любите собак (пауза для ответа). Мы бы хотели, чтобы вы с ним гуляли». Или даже спросить: «Вас не затруднит время от времени выводить его на прогулку?» Но хозяйка выпалила все разом так же, как свои вечные «АгаАгаАга» – так ей не терпелось поскорее разобраться с этим вопросом и переложить ответственность за псину на Дженис.

Дженис только переспросила:

– Деций?

– Да, мы назвали в честь его римского императора.

Тогда пес обратился к ней в первый раз. Дженис посмотрела на Деция, а тот взглянул на нее в ответ, всем своим видом говоря: «Сам знаю, имечко дерьмовое. Только без комментариев». Пес будто пролаял эти слова вслух. Дженис его не винит, однако ее до сих пор удивляет, что он так много ругается. От фокстерьера этого не ожидаешь.

Дженис знакома с Децием уже четыре года, и она не бо-

ится признаться – во всяком случае, себе, – что любит его. Ей нравится брать в ладони его мохнатую щетинистую морду, нравится, как он ходит: точь-в-точь балерина, вот-вот готовая встать на пуанты. Дженис обожает наблюдать, как он скачет, будто мячик на резинке, а гуляя с Децием по полям и лугам на окраине Кембриджа, она чувствует себя абсолютно счастливой. Дженис подумывает о том, чтобы завести у себя в библиотеке раздел, посвященный животным, ведь тогда она сможет добавить туда историю Деция.

Однажды Дженис пробовала переименовать фокстерьера в Декки, ведь Деций – такое помпезное имя! Миссис АгаАгаАга и мистеру НетТолькоНеСейчас хорошо рассуждать про императоров – не им же стоять посреди поля и орать во весь голос: «Деций! Деций!» Однако пес только взглянул на нее из-под лохматых бровей с молчаливым, но весьма красноречивым упреком. «Даже не думай! По-хорошему прошу». И сердитый фокстерьер побежал прочь, только грязь из-под задних лап летела. Дженис была почти уверена, что он проворчал: «Декки, мать твою!»

Сначала Дженис выгуливала Деция, когда ходила в химчистку или помогала готовить закуски и напитки для какого-нибудь благотворительного мероприятия, то есть примерно два раза в неделю. Но им обоим этого было мало. Дженис выразила готовность выгуливать Деция на постоянной основе, и миссис АгаАгаАга ухватила за ее предложение обеими руками. В рабочие дни Дженис встраивает прогулки с

Децием в свой график, а по выходным специально приезжает на машине. Увидев в первый раз, как Дженис паркуется возле ее дома, миссис АгаАгаАга воскликнула: «Ну надо же! Вы водите!» «Как будто за рулем сидела цирковая обезьяна!» – позже пожаловалась Дженис Децию. Они тогда сидели на скамейке на лесной дороге и вдвоем ели курицу. Вообще-то, Децию полагалось быть веганом, хотя ни миссис АгаАгаАга, ни мистер НетТолькоНеСейчас этой системы питания не придерживаются. Дженис думает, что одна из причин, по которым ее любит Деций – да, их чувства взаимны, – в том, что она вкусно его кормит. В тот раз фокстерьер взглянул на нее вопросительно, и Дженис сочла нужным объяснить, почему она не ездит на машине по будним дням, особенно в такую погоду, когда – «прости за каламбур» – хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Дженис призналась, что тут вопрос сложный.

У них с Майком одна машина на двоих, старенький универсал «фольксваген». Майк с самого начала застолбил автомобиль, чтобы ездить на работу. Может быть, после его увольнения ситуация изменится, но Дженис не особо на это рассчитывает.

Зачем тебе машина, Джен? От нее хлопот больше, чем пользы. Парковаться в городе – это такая головная боль!

Майк прав, но у большинства клиентов Дженис есть парковка возле дома или собственный участок. Этот аргумент она уже приводила.

«Не буду спорить. Попробуешь – сама убедишься, что я прав, – ответил Майк и с добродушной улыбкой добавил: – Сделаем вот как: по дороге туда и обратно буду тебя подвозить».

Наивная Дженис ему поверила. Майку выделили парковочное место возле колледжа, где он работал. К тому же благодаря этим совместным поездкам Дженис не будет волноваться из-за того, что оставляет в атмосфере слишком много углеродного следа. Однако им с Майком все время оказывалось не по пути. А когда она приходила к нему в колледж, надеясь, что после смены муж подбросит ее до дома, он по непонятным причинам отсутствовал на рабочем месте. Дженис уже устала от сердитых взглядов коллег Майка: тех все сильнее бесила непунктуальность ее мужа, да и он сам им порядком надоел.

Дженис вспоминает тот день в лесу, когда Деций лежал рядом с ней на скамейке, положив голову ей на колени. В поисках утешения Дженис зарылась лицом в его шерсть. Трудности с машиной заставили ее вспомнить про другую проблему: у Дженис почти нет друзей. Если менять работу так же часто, как Майк, быстро поймешь, что Кембридж – город маленький. Ее удивляет, что муж не отводит взгляда каждый раз, когда встречает бывших коллег или деловых партнеров. Дженис уверена, что ее муж не способен испытывать стыд, более того, он искренне полагает, будто вышел из ситуации победителем. Зато Дженис стыдится за двоих, и это

бремя так сильно пригибает ее к земле, что она больше не в состоянии смотреть людям в глаза, а ведь с некоторыми из них она бы с удовольствием познакомилась поближе. Дженис помнит, какое облегчение испытала в тот день, когда друг Джорди Боумена привез ему серебряные ведерки для охлаждения вина. Она знала: этот человек знаком с Майком, однако не подозревает, что Дженис его жена. Когда имя Майка упомянули в разговоре, друг Джорди рассмеялся. После того, сколько проблем ее муж доставил этому человеку, осталось только восхититься его снисходительностью. Фыркнув, он воскликнул: «Этот тип безнадежен! Он живет в собственном мире!» А потом все вернулись к своим делам: друг расставлял ведерки в старой хлебопечке, где Джорди хранил вино, а Дженис удаляла ржавчину с дверцы духовки с помощью абразивного чистящего карандаша. Однако у нее гора с плеч свалилась. Ей стало легче оттого, что другие тоже замечают эту черту ее мужа и даже свободно говорят о ней вслух. Дженис сразу почувствовала, что она не одинока.

А сейчас Дженис одна на кухне с Децием, а значит, на самом деле вовсе не одна, и ее работа почти закончена. После «дружеской беседы» миссис АгаАгаАга накарябала имя и адрес свекрови настолько быстро, насколько позволяла дорогая ручка «Монблан», и отправилась по магазинам. Дженис снимает поводок Деция с крючка в кладовке и открывает дверь черного хода. Она решила, что сегодня они с фокс-терьером будут гулять по полям, а заодно проведдают Фиону.

Дженис за нее беспокоится. До понедельника у Фионы убирать не нужно, но Дженис надеется, что хозяйка не станет возражать, если уборщица придет на несколько дней раньше. К тому же у Дженис для Фионы подарок.

В доме темно. Дженис звонит в дверь, однако за дверью царит тишина. Дженис подумывает о том, чтобы просунуть подарок внутрь через щель для писем, но он очень маленький и на него легко случайно наступить. Постучав и позвонив еще раз, Дженис отпирает дверь своим ключом. Она уверена, что Фиона не станет возражать. А когда она в следующий раз заглянет в свой кукольный домик, там ее будет ждать приятный сюрприз. Дженис тщательно вытирает лапы Деция тряпкой, которую носит в кармане пальто. Крепко держа пса на коротком поводке, Дженис поднимается с ним на чердак. Одно дело – забежать внутрь на две минуты, чтобы оставить подарок, и совсем другое – пустить чужую собаку бегать по дому.

Открыв дверцу кукольного домика, Дженис убеждается, что Фиона времени даром не теряла. Она провела сюда электричество, и в нескольких комнатах аккуратно расставлены торшеры и настольные лампы. Дженис замечает на столе блок с выключателем – вот он, справа от кукольного домика. Не удержавшись, Дженис жмет на кнопку. Вспыхивает искра, из домика доносится треск, и Дженис подпрыгивает от испуга. Она открывает дверцу пошире и в тревоге ищет причину. Вскоре Дженис обнаруживает проблему: два провод-

ка перекрещены, вспыхнувшая в результате искра повредила их, и электрическая цепь оказалась нарушена. Один проводок, пожалуй, можно соединить вручную, а второй придется припаивать. У сына Фионы Адама в комнате есть паяльник: с его помощью мальчик собирает маленькие модели роботов. Но заходить в спальню к двенадцатилетнему подростку и рыться в его вещах... Нет, хорошие домработницы себе такого не позволяют.

Соображая, как починить проводки без паяльника, Дженис так глубоко задумалась, что не сразу услышала голос на втором этаже. Она бросает взгляд вниз, но Деций пропал, а дверь чердака чуть приоткрыта. С пылающими щеками Дженис вскакивает со стула. Сейчас ей придется объяснить свое поведение. На втором этаже она находит Деция. Пес сидит рядом с Адамом. Мальчик опустил на пол, чтобы говорить с собакой на равных. Деций положил лапы ему на колени и ткнулся носом в ладонь Адама.

– Извини, Адам. Думала, никого нет дома. Я только оставлю одну вещь для твоей мамы и уйду.

Но Адама ничуть не смутило ее внезапное появление. Наверное, он привык к постоянному потоку то проходящих, то уходящих взрослых и к тому, что его это не касается. Видимо, Дженис для него из той же категории. Гораздо больше мальчика заинтересовал Деций.

– Ваша собака?

Дженис так и тянет ответить: «Да», а еще лучше: «О да!».

но вместо этого она говорит правду:

– Нет, я его просто выгуливаю.

Деций оборачивается и устремляет на Дженис обиженный взгляд. Дженис думает, как исправить дело, и тут Адам проносит:

– Вид у него чудной, и ходит он, как будто на цыпочках. Это что, так и надо?

Дженис мысленно умоляет Деция не выражаться, но похоже, Адам пришелся ему по душе, и фокстерьер взбирается ему на колени целиком. Дженис знает, что будет дальше: сейчас он развалится во всю длину. Так Деций и сделал. Адам рассмеялся, а у Дженис болезненно сжалось сердце. Чтобы сохранить равновесие и в прямом, и в переносном смысле, она садится рядом с ними на пол.

– Он фокстерьер. Это признаки хорошей породы.

– Да ладно! А смотрится по-дурачки.

Дженис не осмеливается смотреть Децию в глаза.

Но тут Адам спасает положение, добавив:

– Но, вообще-то, он все равно классный.

Услышав это утверждение, Деций выразительно смотрит на Дженис: «Ну, что я тебе говорил?» И тут она понимает, что Деций ни за что не станет ругаться при ребенке, а ведь, несмотря на длинные руки и ноги и крупные ступни, Адам еще совсем мальчишка. Из ворота толстовки с капюшоном торчит длинная тощая шея. На голове целая копна волос, но личико маленькое, и ни единого прыща на нем пока не

видно. У Адама очень красивый цвет лица – этаким персик со сливками. А еще Адам выдал себя довольно-таки мягким по современным меркам жаргоном: «да ладно», «классный». Такие слова можно услышать даже из уст его матери, а ведь она выглядит как викарий.

– Ну как, разобрались с твоими брекетами? – спрашивает Дженис.

– А-а-а, вы про эти штуки, – говорит Адам и машинально проводит языком по зубам, но тему не развивает.

Дженис сразу приходят на память ее предыдущие разговоры с Адамом: он и тогда давал такие же неопределенные ответы, вот почему теперь они по большей части проходят мимо друг друга в неловком молчании. А потом она вспоминает, как Адам рассмеялся, и решает: надо постараться его расшевелить.

– У тебя есть паяльник?

Адам отрывает взгляд от Деция и смотрит на нее с удивлением:

– Да, а что?

– Можно я его ненадолго возьму?

– Ладно, берите. – Адам нехотя встает, причем до последнего момента держит на руках теплое тельце Деция, прежде чем спустить его на пол. – Сейчас принесу. – Адам уже поворачивается в сторону своей комнаты и вдруг с легкой тревогой оглядывается на Дженис. – Он ведь меня дождется? Не убежит?

Какой же Адам все-таки ребенок! И снова у Дженис болезненно сжалось сердце. Ей жаль и Адама, и немножко Саймона, и себя заодно. Но отвечает она весело:

– Думаю, он с удовольствием составит тебе компанию.

Адам расплывается в широкой улыбке, а Деций бросает взгляд на Дженис, будто спрашивает: «Хочу ли я зайти в воющую мальчишескую спальню? Ты издеваешься? Ну конечно да!»

Оставив их вдвоем в комнате Адама, Дженис поднимается на чердак и чинит провода в кукольном домике. Быстро управившись, она возвращает все на свои места и достает из сумки крошечный подарок для Фионы. Это маленький игрушечный праздничный торт. Конечно, сорок пять свечей на нем не поместились, но главное, что Фиона все поймет, когда откроет дверцу и увидит торт на кухонном столе, а Дженис надеется, что завтра хозяйка сюда заглянет. Прежде чем Дженис успевает закрыть домик, она замечает в мастерской Джебедаи Джури новый миниатюрный гроб. Дженис испытывает уже знакомое тяжелое чувство. Да, она просто уборщица – об этом Дженис никогда не забывает. Хозяйские дела ее не касаются. С ее стороны было бы самонадеянно полагать, будто она знает, как семья на самом деле переживает утрату Джона – отца Адама и мужа Фионы. Но тревога Дженис сгущается, будто туман в низине.

Джон работал в клинике Адденбрук, специализировался на торакальной хирургии. Любил ходить в походы и кататься

с семьей на велосипедах. Построил для сына железную дорогу и помогал мальчику собирать модели роботов. Дженис не знает и не может знать, каково это – потерять его, но над домом темной тучей навис вопрос без ответа, и она чувствует, как он отравляет жизнь этой маленькой семьи. Над этим вопросом ломает голову и Дженис: почему этот приятный во всех отношениях мужчина покончил с собой?

Когда она приносит паяльник в комнату Адама, мальчик валяется на кровати вместе с Децием.

– Спасибо, Адам. Нам пора.

Деций вскакивает и бежит к Дженис. Увидев лицо мальчика, она предлагает то, о чем, возможно, пожалеет. Она сама не знает, во что ввязывается, – возможно, в крупные неприятности.

– Хочешь выгуливать Деция вместе со мной?

– А можно? – спрашивает мальчик.

Деций смотрит на него с одобрением, а уж Адама два раза просить не надо. В его ответе – ни тени сомнения:

– Ясен пень, хочу!

А потом Адам все портит, добавив:

– Имечко-то у него отстойное.

Так Дженис понимает, что пора уходить. Терпение фокс-терьера не безгранично.

Глава 8. Никогда не суди книгу по обложке

Плевок приземлился на тротуар меньше чем в дюйме от туфли Дженис. Свекровь миссис АгаАгаАга либо метко попала в яблочко, либо промазала – смотря какова была ее цель. Застыв на месте, Дженис смотрит на стоящую в дверях маленькую старуху и старается не слушать, как сестра Бернадетта шепчет ей на ухо: «Нет, Дженис, ты только взгляни, в каком виде она ходит!» А потом – неизбежный вопрос: «Может, все-таки развернешься и уйдешь?» Пожалуй, в словах сестры Бернадетты есть своя правда, вернее, даже две правды. Разве Дженис обязана здесь оставаться? И во что вырядилась эта женщина? Старуха открыла дверь в халате наподобие кимоно, надетом поверх много раз подвернутых мужских вельветовых брюк, а на голове у нее красуется красная шляпа с искусственными вишенками. Последние покрыты некой субстанцией, подозрительно напоминающей плесень.

Говорит пожилая леди отрывисто: сначала придает слову безупречно правильную форму, а потом выплевывает его изо рта, будто слюну. Эта особа напоминает Дженис дикторшу из новостей пятидесятих годов на Би-би-си – очень-очень сердитую дикторшу.

– Я в услугах уборщицы не нуждаюсь. Это мой дом, и рас-

поряжаться здесь имею право только я.

Не удержавшись, Дженис спрашивает:

– А откуда вы знаете, зачем я пришла? Почему вы так уверены, что я уборщица?

– На себя посмотрите.

С этими словами старуха указывает на пакет с мешками для пылесоса и резиновые перчатки «мэриголд», выглядывающие из сумки Дженис:

– Как будто по вам не видно!

Сестра Бернадетта неодобрительно фыркнула Дженис в ухо. Вдруг Дженис обратила внимание на цвет кимоно – яркий, пронзительно-фиолетовый. Конечно, она с самого начала его заметила, но только сейчас разглядела по-настоящему. Ей в голову приходит известное стихотворение, лирическая героиня которого предупреждает, что в старости будет одеваться в фиолетовое, носить красную шляпу и научиться плевать. Потом Дженис вспоминает другую строчку из этого стихотворения и спрашивает:

– Если не секрет, пенсию вы тратите на бренди и летние перчатки?

Некоторое время старуха на пороге молча разглядывает Дженис, а потом отвечает уже гораздо спокойнее:

– К бренди я равнодушна, а перчаток у меня и без того достаточно. – Еще несколько секунд старуха внимательно глядит на Дженис и наконец объявляет: – Дураков под своей крышей не потерплю. А большей дуры, чем моя невестка, я

не встречала.

С этими словами старуха отворачивается и медленно бредет по коридору. Дженис воспринимает это как приглашение, поэтому перешагивает через порог и закрывает за собой дверь.

Передвигаться здесь непросто. Узкое пространство сплошь завалено вещами: высоченные стопки журналов, клюшки для гольфа, настольная лампа «Энглпойз» со сломанным основанием, чемоданы, чучело белки, две стремянки и похожий на диджериду³ музыкальный инструмент, который подпирают два бильярдных кия.

Тут дает о себе знать врожденная практичность Дженис: хозяйке просто не хватает места для хранения вещей. Интересно, нет ли в колледже какого-нибудь складского помещения, которое можно арендовать? А между тем старуха доходит до конца коридора и тянется за двумя палками, спрятанными в укромном углу. Стоит ей опереться на них, и старуха охает от боли. Только тогда Дженис понимает, каких усилий ей стоило исполнить свою пантомиму возле двери. Прежде чем повернуть за угол и продолжить путь, старуха стягивает шляпу и кимоно и бросает и то и другое на пол, где эти вещи становятся частью завалов. Дженис так и тянет наклониться и поднять их, но вместо этого она нарочно проходит прямо по ним. Искусственная вишня с приятным хлопком раска-

³ *Диджериду* – духовой музыкальный инструмент аборигенов Австралии, один из старейших музыкальных инструментов в мире.

львается под ее ногой. Нет, работать на эту женщину Дженис не будет. А если с деньгами станет совсем туго, кто-нибудь из постоянных клиентов порекомендует ее знакомым, только и всего.

Видимо, дом примыкает прямо к стене одного из старейших колледжей Кембриджа. Дверь, через которую вошла Дженис, встроена во внешнюю стену из красного кирпича, выходящую на улицу. В конце коридора Дженис поворачивает и оказывается в основной части дома. Похоже, он одной стороной выходит в четырехугольный двор. Комната, в которую попадает Дженис, просто огромна. Пространство абсолютно открытое, под крышей видны стропила. Второй этаж отсутствует, есть только галерея, опоясывающая всю комнату. Туда ведет винтовая лестница. В дальнем конце Дженис замечает ножки кровати – похоже, незастеленной. Внизу, под галереей, небольшая кухня. Вернее, Дженис думает, что это именно кухня: мебели под горами вещей не разглядеть, но больше всего здесь валяется тарелок и сковородок. Внутренние стены комнаты теплого терракотового оттенка – того же, что и кирпичные стены. Со стороны улицы три окна, расположенные намного выше человеческого роста. А огромное окно со свинцовым переплетом выходит во внутренний зеленый двор. В верхней части окна – ряд гербов из витражного стекла. Комната прекрасно освещена, однако, несмотря на все ее величие, беспорядок сразу бросается в глаза. В воздухе витает пыль, куда ни взглянешь – вез-

де стопки книг, и это притом, что повсюду стоят книжные шкафы.

Тут раздается болезненный стон, и Дженис поворачивается к владелице книг. Плечи старухи сгорблены, она низко склоняется над палками и еле-еле держится на ногах. Хозяйка глядит на Дженис из-под седых косматых бровей, но не произносит ни слова. От всего облика старухи исходят агрессия и вызов. Дженис искренне не понимает, как та каждый вечер взбирается по винтовой лестнице – видимо, делает это исключительно назло тем, кто в нее не верит. Дженис чуть смягчается и тихо предлагает хозяйке сесть. Однако пойти сварить кофе она не решается: от этой кухни лучше держаться подальше.

Шаркая, старуха подходит к кожаному креслу возле маленького электрического камина, опускается в него и прямо-таки тонет в подушках, отчего кажется совсем маленькой и хрупкой. Стоя на пороге в своем фиолетово-красном ансамбле, она выглядела гораздо внушительнее. Ступни, выглядывающие из-под закатанных брюк, крошечные, как у ребенка. Дженис собирается сесть в кресло напротив, но вдруг старуха рявкает:

– Нет! Не сюда!

Дженис внезапно вспоминает, чья перед ней мать.

Выбрав одно из немногих свободных кресел, которое не завалено книгами (кресло очень красивое, оно явно предназначено для столовой и, вполне возможно, является ори-

гинальной работой Чиппендейла), Дженис пододвигает его к огню и усаживается. Только тогда она понимает, что совершила ошибку. Она ведь хочет сказать только одно: «Раз уборщица вам не требуется, всего хорошего». А потом сразу уйти. Зачем было садиться ради пары секунд?

Но, прежде чем она успевает произнести хоть слово, старуха вдруг фыркает и требует:

– Ну, рассказывайте свою историю.

Об этом Дженис никто и никогда не просил. Она готова провалиться сквозь землю. Ночные кошмары, в которых она оказывается голой перед целой толпой народу, и воспоминания о том, как Майк уговорил ее спеть с ним в караоке, а потом бросил ее на сцене одну, не идут ни в какое сравнение с этим требованием. Дженис пытается убедить себя, что хозяйка просто хочет завязать вежливую беседу, хотя по ее предшествующему поведению этого не скажешь. В отличие от мужа, клиенты обычно спрашивают, как у нее дела, и болтают с ней про фильмы, музыку, в обязательном порядке подлежащую обсуждению погоду и про отпуска – свои, конечно, не ее. Но до сих пор никто не интересовался жизнью Дженис, если, конечно, неприятная старуха действительно хочет знать ее биографию.

– Вы что, глухая? А я думала, это моя прерогатива.

Тут Дженис приходится ответить:

– Я очень добросовестная уборщица. Это все, что вам нужно обо мне знать.

Кто ее за язык тянул? Она ведь не собирается работать на эту женщину. И куда только подевалась серая мышка? И хозяйке, и Дженис ясно, что ее слова прозвучали как вызов. Надо поскорее бежать отсюда: если так и дальше пойдет, эта вредная старуха тоже начнет звать ее миссис Пи.

– Своя история есть у всех, – не сдается хозяйка.

Выпад Дженис она проигнорировала. Положение усугубляется с каждой секундой. Такое чувство, будто старуха вонзила в Дженис свои (ужасно грязные) ногти, пытаясь содрать с нее кожу.

Дженис отвечает натянутым смешком:

– Боюсь, моя история покажется вам очень скучной. Можно сказать, что у меня ее нет.

Она жалеет, что не ответила с бóльшим напором, но серая мышка вернулась на свое место. А ведь не мешало бы донести до старухи правду: Дженис – хранительница историй, и собирать их она начала именно потому, что сама она человек без истории. Ей хочется кричать об этом во весь голос, чтобы заглушить тихий голосок, пытающийся добавить: «Для вас у меня историй уж точно нет».

На этом противостояние зашло в тупик. Старуха устремляет взгляд вверх, а пока она смотрит в потолок, Дженис смотрит на нее. У незадачливой уборщицы так трясутся ноги, что она радуется, что сидит в кресле, предположительно, работы самого Чиппендейла.

Дженис не уверена, что ей по силам встать, и все же про-

износит:

– Я, пожалуй, пойду. Судя по всему, в моих услугах вы не нуждаетесь.

Похоже, старуха приняла какое-то решение. Не отводя глаз от потолка, она отвечает:

– Этого я не говорила. Я сказала только, что никому не позволю распоряжаться в своем доме. Я, конечно, стара, но из ума отнюдь не выжила. Да, мне трудно справляться с хозяйством в доме, и, если ситуация не изменится, сын отправит меня в казенное учреждение. В прежние времена в колледже ко мне относились с уважением. Мой покойный муж много лет занимал должность магистра. Но теперь многие его забыли, и руководство желает освободить это здание, чтобы использовать его для «более продуктивных целей». – Старуха пристально смотрит Дженис в глаза. – Насколько мне известно, мой сын готов поучаствовать в финансировании одного из этих проектов. И как я поняла, он хочет, чтобы «новую совместную инициативу» назвали его именем.

Дженис молча глядит на хозяйку. Не зная, что сказать, она хватается за свой привычный спасательный круг:

– Похоже, за свою жизнь вы много повидали. Наверняка вам есть что рассказать. – А потом Дженис спрашивает на автопилоте: – Хотите, сварю кофе?

Наклонившись вперед, старуха тяжело поднимается на ноги:

– Нет, лучше посмотрите книги. Они расскажут обо мне

все, что вам нужно знать. Начните оттуда. – Она указывает на стопку томов, которая высится на предмете мебели, напоминающем обеденный стол. – Кофе сварю я, – объявляет она и, шаркая, бредет в сторону кухни.

Дженис обращает внимание, что ставить чайник хозяйка даже не собирается. Вместо этого она садится на табурет возле раковины. Наверное, мать мистера НетТолькоНеСейчас просто дает Дженис возможность собраться с мыслями. Тут она понимает, что может встать и уйти. С другой стороны, отправиться восвояси она всегда успеет, так почему бы сначала не посмотреть книги на столе? С тех пор как Дженис вошла в комнату, ее так и тянет как следует изучить эту роскошную библиотеку.

На столе высятся стопки из великого множества томов, а ведь это лишь малая часть всей книжной коллекции. Вот книги на французском, а эти, кажется, на русском. Английские классические романы – весь цикл Троллопа «Барсетширские хроники» в прекрасных кожаных переплетах. Масивные альбомы Караваджо и Бернини. Книги о Вале Адриана⁴ и путеводитель по римским баням в Геркулануме. Внизу стопки – снова книги об искусстве, на этот раз о творчестве современных художников.

– Ну?

⁴ *Вал Адриана* – самый выдающийся памятник античности в Великобритании, оборонительное укрепление длиной 117 км, построенное римлянами при императоре Адриане в 122–128 годах.

Дженис не заметила, как мать мистера НетТолькоНеСейчас подошла к столу и села с другой стороны.

– Вы женщина начитанная, к тому же много путешествовали. – Дженис поднимает голову и обводит взглядом комнату. – Интересуетесь искусством и историей, знаете русский и французский, или этими языками владел ваш муж.

– Мы оба на них говорим... то есть говорили.

Дженис решает, что сейчас самое время уходить. Эта пауза, эта оговорка с настоящим временем вместо прошедшего затягивают ее в историю хозяйки. А Дженис вовсе не желает проводить в обществе особы со столь непростым характером больше времени, чем необходимо.

Вдруг Дженис раздражается смехом. В глаза ей бросилось название одной из книг о современном искусстве.

– В чем дело? – спрашивает старуха, хотя, похоже, прекрасно знает, что насмешило Дженис.

А той не дает покоя ощущение, будто ее каким-то образом проверяют.

Дженис показывает книгу, написанную одним из современных деятелей искусств, и вслух читает название:

– «Твоя слюна – мой водолазный костюм в океане боли».

С другого конца стола доносится фырканье.

– Да, я купила эту книгу, чтобы напомнить себе, сколько у людей в головах всяких глупостей и дерьма.

Не удержавшись, Дженис спрашивает:

– Вы что, знаете Деция?

– Какого Деция?

Видимо, у Дженис в голове и впрямь одни глупости. Ну и что ответить? «Один мой знакомый фокстерьер выражается точно так же, как вы, – в моем воображении, конечно. Да и брови у вас похожи».

– Не берите в голову. Просто вспомнила про собаку вашего сына.

Тут старуха кладет руки на стол и опускает на них голову. А потом начинает издавать громкие хриплые звуки. Дженис в замешательстве. Может, у хозяйки приступ астмы? Нужно срочно принести ей лекарство. Но вдруг Дженис понимает, что та смеется – громко, резко, отрывисто. Наконец старуха вытирает слезы и произносит:

– Значит, Тиберий назвал собаку Децием? Его отец оценил бы. – В качестве объяснения хозяйка добавляет: – Мой муж очень интересовался историей Древнего Рима.

Тиберий?! Но нет, об этом лучше не задумываться. Дженис не желает погружаться в истории злодеев. Не хочет представлять маленького мальчика Тиберия. С таким жутким имечком в школе ему наверняка житья не давали! И гадать, почему мальчик вырос и дал своей собаке кличку в честь римского императора, Дженис не станет. Что это – насмешка над отцом? Или просто шутливое напоминание о нем? Вдруг Дженис задается вопросом, как мистер НетТолькоНеСейчас собирается назвать «новую совместную инициативу»: дать ей имя Тиберий или свою фамилию – фамилию отца?

Дженис встает. Нет, эта информация ей совсем ни к чему.

– Мне пора, – произносит она и тянется за сумкой.

Однако мать Тиберия еще не закончила:

– Один последний вопрос. Про необитаемый остров. – За-

метив выражение лица Дженис – примерно такое же должно быть у мыши, угодившей в мышеловку, – старуха торопливо продолжает: – Если бы вы могли взять с собой на необитаемый остров всего одну книгу, какой роман вы бы выбрали?

– «Ярмарку тщеславия».

Дженис не собиралась отвечать, но слова сорвались с языка помимо ее воли.

Мать Тиберия как будто не ожидала такого ответа. Но затем она медленно кивает:

– Хороший выбор. Книга многослойная, одни истории вложены в другие. Прекрасный язык, превосходный юмор, восхитительное чувство абсурда, а какой ансамбль персонажей!

Дженис неприятно, что ее любимую книгу разбирают на части, и она бочком подбирается ближе к двери.

– И кто же вы – Бекки Шарп или Эмилия?

Дженис не отвечает. Боится, что не удержится и выпалит: «А что, разве не понятно?» Ей бы хотелось иметь больше общего с Бекки, но Дженис прекрасно знает: она глупенькая, витающая в облаках Эмилия.

Дженис уже одной ногой в коридоре, но от старухи так просто не убежишь. Шаркая, она направляется следом.

– У меня для вас есть замечательная история. Прямо-таки идеальная. В ней есть все, что вам нужно. Главная героиня – женщина, вернее, девушка, очень похожая на Бекки Шарп. Пожалуй, так ее и назовем – Бекки. Это история про двух принцев и одну нищую. Первый принц настоящий, он повзрослел и стал королем, а второй на самом деле вовсе и не принц. Как видите, история не лишена интриги и загадочности.

Дженис переступает через фиолетовое кимоно и лавирует между чемоданами, стараясь не задеть чучело белки.

Но старуха не отстает.

– Итак, детство нашей героини Бекки прошло в одном из прекраснейших городов мира – в Париже. Ее мать шила дамские шляпки, а отец работал секретарем в юридической конторе. Бекки росла в дружной, любящей семье. Двое старших братьев, сильные и храбрые мальчишки, всегда ее защищали, а повзрослев, стали военными.

Наконец Дженис выскочила за дверь и исключительно по привычке обернулась, чтобы вежливо попрощаться с матерью Тиберия.

– Но не забывайте, что речь идет о Бекки. А значит, все эти байки про дружную семью и храбрых братьев – ложь чистой воды.

И с этими словами старуха захлопывает дверь перед носом у Дженис.

Глава 9. В поисках героини

Сегодня четверг, и Дженис стоит перед ухоженным многоквартирным домом в стиле ар-деко. Она пытается сосредоточиться на истории женщины, живущей на втором этаже, но в голове все крутится история Бекки. Если все рассказанное – ложь, что же было на самом деле? И с чего старуха взяла, будто Дженис нужна эта история?

Войдя в квартиру, она отработанным движением снимает туфли – раз-два, носком одной ноги стягивает туфлю с другой – и ступает на мягкий ковер из чистой шерсти с двойным ворсом. Как же разительно этот коридор отличается от коридора свекрови миссис АгаАгаАга! Повсюду царит белизна, все сверкает чистотой. Кэрри-Луиза окликает Дженис из маленькой кухоньки справа от двери.

– Дорогая, это вы? Дженис, сегодня мне придется попросить вас об очень большой услуге.

Речь Кэрри-Луизы медленная, каждое слово растянуто до предела. Ее «придется» дрожит на середине – точь-в-точь как руки хозяйки. Теперь они ни в какую не желают лежать спокойно, даже у нее на коленях. Вот Кэрри-Луиза выходит из кухни, ее движения точны и уверенны, даже представить трудно, что эту женщину не слушаются руки и голос. Когда Дженис думает о Кэрри-Луизе, в голову сразу приходит выражение «аккуратная старушка». Эта женщина ни за что не

наденет шляпу с заплесневелыми вишнями. Одежда облегает несколько отяжелевшую с годами фигуру, и все же былые воздушные очертания до сих пор не исчезли полностью. На фотографиях в серебряных рамках, с которых Дженис стирает пыль каждую неделю, Кэрри-Луиза запечатлена во всей своей юной сногшибательной красе. Дженис не знает, сколько ей лет, – должно быть, хорошо за восемьдесят. Ненамного моложе, чем... Но об этой особе Дженис вспоминать не желает.

А между тем Кэрри-Луиза заливисто смеется и медленно, с аристократическим выговором произносит:

– Дорогая, великодушно прошу... меня простить... я сегодня ужасно неповоротливая. Ползаю, как старая черепаха. Вчера вечером... я так напилась... честное слово, с подобными привычками мне место под мостом... среди бродяг... – Кэрри-Луиза кивает, потом бросает на Дженис многозначительный взгляд. – И кстати, сегодня у нас гостья – Мэвис.

Мэвис – самая давняя подруга Кэрри-Луизы. Они встретились в свой первый день в школе-пансионе, а десятилетия спустя поселились по соседству в пригороде Кембриджа. За такое долгое время они успели в деталях изучить все недостатки друг друга. Теперь им не побегать по полю для лакросса, обе вынуждены передвигаться медленно и степенно, и тем не менее реакция старушек осталась все такой же быстрой: слабые места друг друга они подмечают мгновенно. Например, сейчас Мэвис обожает хвастаться перед Кэрри-Луи-

зой своей подвижностью. Тут она подружку обскакала. «В мае слетаем на Мадейру, несколько дней погуляем по садам. То, что доктор прописал. Как жаль, что ты больше не можешь путешествовать! Мы так чудесно отдыхали вчетвером, когда был жив твой Эрнест! До сих пор смотрим на цветы и вспоминаем, какой вы были прекрасной парой». К счастью, чувство меры не позволяет Мэвис хвастаться крепким здоровьем своего мужа Джорджа. А впрочем, начни она хвалиться супругом, Кэрри-Луиза рассмеялась бы подружке в лицо. Откровенно говоря, Дженис удивлена тем, что, парируя выпады Мэвис, Кэрри-Луиза не прохаживается на его счет. Возможно, у этих пожилых дам есть границы, через которые переступать нельзя. Видимо, напоминать подружке, что она уже почти шестьдесят лет замужем за самым нудным мужчиной на свете, – одно из этих табу.

Готовясь к визиту Мэвис, хозяйка решает воспользоваться излюбленным проверенным средством и тянется за кулинарной книгой. Мэвис – повариха никудышная, и им обоим это прекрасно известно.

– Дорогая... давайте испечем что-нибудь вкусенькое... например, печенье «мадлен».

За этим следует булькающий смех хозяйки. Мэвис это изысканное французское печенье никогда не удавалось.

– Хорошая мысль.

Сунув голову в шкаф в коридоре, Дженис с улыбкой тянется за пылесосом:

– Сначала наведу порядок в гостиной, потом поставлю печенье в духовку и буду следить за ним, пока убираю кухню.

Между хозяйкой и уборщицей существует негласная договоренность: Мэвис ни в коем случае не должна узнать, что всю кропотливую работу, связанную с выпечкой, Дженис взяла на себя. Но Кэрри-Луиза напрасно беспокоится. Мэвис искренне убеждена, что женщина вроде Дженис покупает выпечку исключительно в готовом виде. Эта мысль заставляет Дженис прибавить:

– Может быть, испечь два вида печенья?

Кэрри-Луиза радостно смеется:

– Да, прекрасная мысль! – Она заглядывает в гостиную, где Дженис как раз втыкает пылесос в розетку. – Так мы ее... поставим на место.

Кэрри-Луиза возвращается на кухню. Дженис слышит, как хозяйка хлопает дверцами шкафчиков и весело болтает сама с собой, а потом все звуки заглушает пылесос. Позже, когда Дженис чистит диван и взбивает сине-белые гобеленовые подушки, до нее доносится пение. Дженис задается вопросом: можно ли уместить всю широту и глубину такой личности, как Кэрри-Луиза, в одну историю? Выбрав на диване идеальное место для последней подушки, Дженис тут же оставляет эту мысль. Порядок – это очень важно. Иногда ей кажется, что только благодаря ему она держит то и дело подступающую панику под контролем. И правила ничуть не менее важны. Дженис поправляет уголок одной из подушек.

Ее правило гласит: один человек – одна история. И это все же лучше, чем ничего.

История Кэрри-Луизы – одна из старейших в коллекции Дженис. Хозяйка поведала ее вскоре после знакомства с новой уборщицей. Дженис тогда еще не занималась коллекционированием всерьез. Она просто чистила швы между плитками, а Кэрри-Луиза сидела на бортике ванны. История очень хорошая. Дженис обращается к ней, когда хочет напомнить себе, что любовь на всю жизнь возможна, по крайней мере для некоторых людей.

Однажды молодая Кэрри-Луиза шла по театральному району Лондона и вдруг увидела, как банда избивает мужчину бейсбольными битами. Кроме участников этой страшной сцены, на улице – ни души. Кэрри-Луиза полезла в сумку и вытащила первое, что подвернулось под руку. Как потом выяснилось, карточку магазина «Харви Николс». Вскинув над головой этот тоненький кусочек пластика, Кэрри-Луиза бросилась на бандитов с воплем: «Полиция!» Мужчины кинулись наутек, но, взмахнув битой, один молодчик попал ей по голове. От удара Кэрри-Луиза рухнула как подкошенная. А когда очнулась, увидела над собой лицо молодого врача. Зрители, вышедшие из театра, столпились вокруг двух расprostертых на тротуаре фигур, а он как раз проходил мимо.

Дженис вспомнила, с каким глубоким удовлетворением Кэрри-Луиза рассказывала эту историю, да еще радостно болтала ногами, постукивая по ванне. А потом она сказала:

«Знаете, дорогая, я решила, что умерла и попала в рай. Вот передо мной сидит этот красавец, держит меня за руку и говорит: „Все будет хорошо, я с вами“. – По маленькой ванной разнесся смех Кэрри-Луизы. – Так и получилось. Я тогда подумала: „Ни за что тебя не отпущу“ – и сжала пальцы изо всех сил. А пятьдесят лет спустя я снова держала его за руку». Кэрри-Луиза вздохнула и уже безо всякого смеха добавила: «Я не отпускала его руку до самого конца».

«А все-таки утерла я тогда нос папаше, – прибавила она уже гораздо веселее. – Ох и взбеленился он! Эрнест ведь был всего лишь стажером, жил при больнице. Совсем не о таком зяте мечтал мой папаша. Но я вцепилась в руку Эрнеста так, что не оторвать, а потом уже ни у кого язык бы не повернулся заявить, будто я неудачно вышла замуж! Даже папаша вынужден был признать, что никто не заботился бы о обо мне так, как Эрнест».

Так Кэрри-Луиза намекала на то, сколько времени за прошедшие годы провела в больнице. «Эту тему даже обсуждать не хочу – ужасная скукотища!» Насколько поняла Дженис, причина была в долгосрочных последствиях той давней травмы: неврологи считают, что именно она вызывает необратимые ухудшения речи и моторики Кэрри-Луизы.

Проигрывая в уме историю Кэрри-Луизы, Дженис порой исправляет некоторые детали, например, она часто добавляет второго врача, который оказывает помощь избитому. Но во что Дженис никогда не вносит изменений, так это во фра-

зу: «Я не отпускала его руку до самого конца». Дженис не помнит, когда ее саму в последний раз брали за руку.

Ее размышления прерывает сигнал таймера духовки. Дженис смотрит, поднялось ли печенье, и вдруг ее осеняет: а ведь история Кэрри-Луизы не об одном событии, а о смелости, которую та демонстрировала на протяжении всей жизни. О той особой храбрости, которая заставляет бежать навстречу опасности и не дает пасть духом, когда твой поступок оборачивается неприятными последствиями для здоровья. Наверное, Дженис надо брать пример с Кэрри-Луизы. Дженис много лет убирает ее квартиру и чистит ее вещи и надеется, что за годы хотя бы малая часть этой смелости передалась и ей.

Сосредоточенно хмурясь, Дженис берет лучший поднос и раскладывает на нем два вида французского печенья ровными симметричными рядами. Идеальный десерт в идеальном порядке. А потом Дженис надевает чистый белый передник и растягивает губы в улыбке. Но пока она завязывает передник, улыбка становится естественной. Нужно сосредоточиться на здесь и сейчас, и меньше, что Дженис может сделать для отважной Кэрри-Луизы, – это исполнить свою роль. Когда приходит Мэвис, Дженис играет верную служанку: этакую вышколенную прислугу из драмы пятидесятых годов. Самой Дженис кажется, что в этой роли она весьма убедительна. Хотя Кэрри-Луиза считает, что делать книксен – это перебор. Дженис как-то раз почтительно присела пе-

ред гостей, чтобы повеселить хозяйку. Задачу она выполнила и даже перевыполнила: Кэрри-Луиза смеялась так, что в Мэвис полетели крошки, и от этого хозяйка расхохоталась с удвоенной силой. Поправляя передник и приглаживая волосы, Дженис думает: что бы ни ждало Кэрри-Луизу в будущем, одного у нее не отнимешь – в своей истории она всегда была главной героиней. Вот бы Дженис могла сказать о себе то же самое!

Она открывает дверь, ведущую в гостиную, и оттуда доносится скучный, бесцветный голос Мэвис: та повествует о своей недавней поездке на Нормандские острова. Тут Дженис вскидывает подбородок и принимает решение.

Глава 10. Каждый должен сделать историю лучше, чем она была до него

Садясь в автобус, Дженис жалеет, что на ней огромные ярко-зеленые наушники. Конечно, это глупо, и все же, увидев за рулем водителя, похожего на учителя географии, Дженис досадует, что ее волосы прижаты к голове, к тому же в зеленых наушниках она наверняка смахивает на лягушку. Водитель вежливо кивает ей, но молчит. Да и какой смысл говорить? Видно же, что Дженис ничего не слышит. А впрочем, она не замечает никаких признаков, что водитель хотел бы что-то ей сказать. Ну а то, что он якобы вздохнул одновременно с закрывавшимися дверьми, – так это просто ее смехотворные фантазии. От смущения у Дженис потеют ладони. Остается только повторять про себя: «Никто не знает. Все нормально, твоя тайна в целости и сохранности. Он ни о чем не догадывается». А что еще хуже – внешность у водителя даже более приятная, чем ей запомнилось. Он и впрямь похож на учителя географии, который вот-вот уйдет на покой. Дженис представила его кабинет с развешанными на стенах фотографиями: вот он с улыбающимися учениками поднимается на гору Сноудон или на Бен-Невис. Дженис проходит вглубь салона. Какой смысл глядеть на водителя? От этого

она только смущается и чувствует себя неловко, а сегодня утром ей особенно нужна уверенность.

Дженис включает музыку погромче и пытается сосредоточиться на песнях. Наушники – покупка недавняя, оплаченная подарочным ваучером от Саймона, и Дженис понимает: для того, что ей предстоит, без них не обойтись. Конечно, ее наушники намного дешевле тех, которые купил Майк. Должно быть, со скидкой их продавали из-за цвета – ну просто вырви глаз! Зато свою задачу они выполняют как полагается. Дженис надеется, что наушники помогут ей исполнить клятву, которую она дала себе в квартире Кэрри-Луизы. Плейлист Дженис тщательно подбирала на «Спотифай». Первый в танцевальной подборке – Сэм Кук (приятное плавное начало, красивая мелодия), затем «Stealers Wheel» (заводная, невозможно устоять), за ней следует Джордж Эзра (бодро, оптимистично), а потом друг друга в произвольном порядке сменяют «Walk the Moon», «T. Rex», Паоло Нутини и другие. А когда Дженис добирается до саундтрека к фильму «Обязательства» и слушает «Mustang Sally», то надеется, что после такого музыкального заряда ее ничто не остановит и она смело встретится с матерью Тиберия лицом к лицу. Она хочет сказать этой старухе одну вещь. Точнее, целых четыре вещи.

Дженис пробовала обсуждать эту тему с Майком, но мужу сейчас не до нее. Он активно строит дальнейшие карьерные планы. В чем они заключаются, Дженис толком не по-

нимает: туманные рассуждения о «деловых переговорах» и «подготовительном этапе» и обещания «держать ее в курсе» отнюдь не обнадеживают, но она отчаянно старается сохранять позитивный настрой и всячески поддерживать мужа, а также не давать воли цинизму. Единственное из ее рассказа, что зацепило Майку, – фамилия отца Тиберия. Похоже, он в свое время был важным человеком, причем не только в колледже, но и на уровне страны и при жизни удостоился множества наград.

– Он, между прочим, руководил разведывательной службой МИ-6 или чем-то в этом роде.

Об этом Дженис не знала, но вспомнила про русские книги и не удивилась. А потом в голову ей вполне закономерно пришли мысли о жене этого человека. Вдруг она тоже служила в разведке? Откровенно говоря, от этой женщины всего можно ожидать.

За прошедшие несколько дней Дженис часто думала о матери Тиберия: фиолетовое кимоно, трудный характер, беспорядок в доме, эффектная комната, заваленная книгами. А еще, хотя Дженис не желает в этом признаваться, ее заинтриговала история Бекки. Вспоминает она и этот острый, как клинок, взгляд, и требование: «Расскажите свою историю». Этот момент смущает Дженис больше, чем невообразимая грубость хозяйки. Но как ни крути, а старухе все-таки девяносто два. Что она ей сделает? К тому же Дженис может в любую минуту развернуться и уйти. В одном можно не со-

мневаться: хозяйка ее не догонит. И все же Дженис терзают тревоги и сомнения. Соглашаться или нет? Миссис АгаАгаАга оставила сообщение у нее на телефоне, подтверждая, что свекровь сочла кандидатуру Дженис приемлемой. Перезванивать она не стала, а когда приехала убираться и выгуливать собаку, миссис АгаАгаАга, к счастью, дома не оказалось.

Бродя по полям с Децием, Дженис объясняла ему все плюсы и минусы этой работы, но в кои-то веки выражение морды Деция оставалось для нее непроницаемым. Сначала ей казалось, что он говорит: «Ну попробуй, от тебя же не убудет. И вообще, нашла, из-за чего изводиться – из-за работы! В жизни есть гораздо более важные вещи. Например, я». Но потом Деций категорично заявил: «Да пошли ты эту старую кошелку». Наверное, тоже никак не мог определиться.

Наконец Дженис напомнила себе, какую клятву дала у Кэрри-Луизы: быть смелее, самой управлять своей судьбой, и тогда, если повезет, она станет в собственной жизненной истории главной героиней. Она согласится на эту работу, но только при одном условии: если старая кошелка даст на ее четыре вопроса правильные ответы.

Вот Дженис подходит к нужному дому, и в наушниках у нее гремит Дэвид Боуи. Дженис уверена, что задача ей по силам. Женщина, открывшая дверь, совсем не похожа на безумную старуху в фиолетовом кимоно и красной шляпе, представшую перед Дженис несколько дней назад. Старые

вельветовые брюки с закатанными штанинами никуда не делись, а еще на хозяйке мужской свитер с высоким воротом, но коротко подстриженные седые волосы аккуратно причесаны, а грязь под ногтями исчезла. Да, старуха и впрямь трудная. Выходит, ее предыдущий образ был просто частью спектакля. Не давая себе времени струсить, Дженис начинает:

– Спасибо, что предложили мне работу, но, прежде чем соглашусь, хочу задать вам четыре вопроса.

Мать Тиберия разглядывает ее, чуть склонив голову набок:

– Слушаю.

– Вы расскажете мне историю Бекки?

– Да.

Пока все по плану.

– Эта история случилась на самом деле?

Вопрос очень важный, ведь Дженис собирает только правдивые истории. Она долго размышляла на эту тему и пришла к выводу, что все истории должны быть взяты из реальной жизни, ведь именно благодаря этому обстоятельству они убеждают ее, что чудеса случаются, а обычные люди, каких встречаешь каждый день, способны на подвиги и добрые поступки, а значит, все совсем не безнадежно.

– Да, история правдивая. Но, как и в любой истории, которую неоднократно рассказывали, в ней местами встречаются преувеличения.

Это Дженис понимает. Она ведь из тех, кто с удовольстви-

ем проглатывает историю вместе со всеми приукрашиваниями. Она знает, что таковы законы искусства повествования.

Старуха продолжает:

– Бывает, что рассказчик с каждым разом добавляет пару новых подробностей, чтобы история заиграла яркими красками. Подписываюсь под каждым словом писательницы и суфразистки Мэри Августы Уорд: «Каждый должен сделать историю лучше, чем она была до него». Но, насколько могу судить, основные факты сохранены в неприкосновенности.

Старуха тяжело опирается на палки, и Дженис понимает, что ей неудобно так долго стоять. Она бы с удовольствием предложила: «Давайте зайдем и сядем», но если она даст себе передышку сейчас, то потом ни за что не осмелится договорить.

– Задавайте третий вопрос.

– Вы позволите мне разобрать ваши книги?

– Да.

А теперь – самое сложное. Размышляя над четвертым пунктом, Дженис сначала хотела потребовать за свою работу баснословное вознаграждение, но даже при одной только мысли почувствовала себя некомфортно. Тогда ее позиция всегда будет уязвимой, ведь претендовать на моральную непогрешимость она не сможет, а между тем ей просто необходимы надежные тылы. С этой женщиной оборону нужно держать крепко.

Вот почему Дженис выдвигает совсем другое требование:

– Я готова у вас работать, если вы будете обращаться ко мне «Дженис», а я к вам – «миссис Би».

– Это не вопрос! – выпалила старуха.

Лицо хозяйки совершенно серьезно, однако Дженис заметила, как дернулся левый уголок ее рта. Кажется, она сдерживает улыбку.

– Да, знаю. И все-таки вы не возражаете?

– А для вас это принципиальный момент?

Набравшись храбрости от Пауло, Дэвида, Джона, Пола, Ринго и Джорджа, Дженис отвечает:

– Вообще-то, нет.

– Тогда можете называть меня миссис Би.

С этими словами хозяйка кивает Дженис и снова закрывает дверь у той перед носом.

Четвертый вопрос, на деле оказавшийся скорее четвертым требованием, важен для Дженис по трем причинам. Во-первых, это компенсация за все годы, на протяжении которых миссис АгаАгаАга называла ее «миссис Пи». Та наверняка лопнет от злости, узнав от свекрови, что Дженис обращается к ней «миссис Би». А в том, что миссис Би расскажет об этом невестке, Дженис не сомневается. Возмутители спокойствия всегда так поступают. А вторая причина – Майк уже растрепал всему пабу, что новая клиентка Дженис сама леди Би, жена бывшего главы МИ-6, и скоро эта уважаемая дама войдет в число его ближайших друзей. А прозвище Дженис сразу понижает статус хозяйки, и Майка это

ужасно разозлит. Ну и наконец, «миссис Би» – просто месть за пренебрежительные слова старухи о ее профессии: «Как будто по вам не видно!» Дженис хочет, чтобы в кои-то веки последнее слово осталось за уборщицей.

На дрожащих ногах она шагает прочь. Дженис сама не понимает, как отважилась на этот разговор. Тем не менее она определенно рада, что не струсилa. Нахлобучив на голову наушники, Дженис включает звук погромче.

Водитель автобуса (учителем географии он никогда не был, но на Сноудон и Бен-Невис поднимался) наблюдает с противоположной стороны улицы, как женщина в зеленых наушниках (глаза у нее красивые, да и задница просто высший сорт) чуть-чуть подпрыгивает и пританцовывает на тротуаре, прежде чем продолжить путь. Он бы многое дал, чтобы услышать ту музыку, которую слушает она. Водитель переводит взгляд обратно на дорогу, закрывает двери автобуса и тихонько вздыхает вместе с ними.

Глава 11. Выбирай свою историю

Деций на втором этаже, в комнате Адама, а Дженис пьет кофе с Фионой на первом.

– Спасибо за торт на день рождения. Увидела и сразу вспомнила сказку «Эльфы и башмачник». Вы ее читали в детстве?

Нет, не читала. Дженис росла в мире совсем других историй.

– Рада, что мой сюрприз вам понравился. Надеюсь, вас не смутило, что я пришла без приглашения? Я только оставила торт в кукольном домике.

– Ну что вы, – успокаивает ее Фиона. – К тому же благодаря вам Адам познакомился с... Как, вы сказали, зовут песика? Деций? – Фиона с тревогой бросает взгляд на потолок, будто надеется заглянуть сквозь него в комнату Адама и проверить, все ли у сына в порядке. – Это, кажется, греческое имя?

– Нет, древнеримское. Был такой император.

Дженис не стала объяснять, что так назвал собаку человек, которого самого нарекли в честь Тиберия. Сейчас для Дженис важнее другое: ей надо кое-что уточнить у Фионы.

– Я предложила Адаму выгуливать вместе со мной Деция – в свободное время, конечно. Вы не возражаете?

– Нет, конечно.

Фиона наклоняется вперед, чтобы подлить себе и Дженис еще кофе, но вот обе чашки полны, однако на спинку кресла хозяйка откидываться не спешит. Застыв, она не сводит глаз со своего отражения на гладкой поверхности темного напитка. Было бы проще, если бы Дженис в этот момент чистила жалюзи или протирала письменный стол. Фиона скорее открылась бы уборщице, если бы внимание той было поглощено делом. Многие истории для своей коллекции Дженис собрала именно так, хотя, впрочем, это не правило, а лишь полезная рекомендация. Но сейчас такой вариант отпадает, поэтому Дженис лишь застывает, стараясь стать невидимкой.

– Без Джона Адаму очень тяжело. Я делаю все, что могу, но он все держит в себе. Уговорила его сходить к психологу, но после первого сеанса он заявил, что больше туда ни ногой. Сказал, что психолог полный придурок, что он ему такой ерунды наплел, а тот повелся! – Фиона подняла глаза и попыталась улыбнуться. – Думаю, что Джон... то есть Адам... – Она осеклась. – Ну вот, опять! Извините. Я постоянно зову сына Джоном. Наверное, от этого только хуже. – Фиона пожимает плечами, все еще стараясь выдавить улыбку.

У Дженис сердце разрывается.

– Адам говорил психологу все, что тот хотел услышать, а этот горе-специалист поверил. Адам сказал: «Папа бы тоже сообразил, что он лох». – Фиона покачала головой, но больше улыбаться не пыталась. – А после того, как вы привели

Деция, Адам тараторил про эту собаку так, что не остановишь! Рассказывал мне о признаках хорошей породы у фокс-терьеров. Просил вам позвонить и напомнить, чтобы вы его привели.

Дженис чуть со стыда не сгорела, ведь со дня знакомства Деция и Адама прошло уже больше недели.

– Обязательно мне звоните, не стесняйтесь. Я заберу Деция и сразу к вам. Без проблем! Кроме меня, с ним больше никто не гуляет. Адаму мы всегда рады.

Дженис думает: а что, если предложить Адаму немного подзаработать? Поможет это мальчику или нет? Дженис могла бы отдавать ему часть той суммы, которую миссис АгаАга платит ей за выгул Деция. Но потом Дженис решает, что мальчику сейчас нужны не деньги, а любовь, а ее, как известно, не купишь.

Фиона опять глядит в чашку. Дженис не осмеливается взять свою, хотя с радостью попила бы кофе.

– Я не хочу, чтобы вся жизнь Адама определялась тем, что произошло, понимаете? Боюсь, он так и останется мальчиком, у которого отец покончил с собой.

Вот так Фиона выложила все карты на стол, прямо между зеленовато-голубыми кофейными чашками, изготовленными в местной гончарной мастерской, и тарелкой сливочного миндального печенья из супермаркета «Уэйтроуз».

– Все время твержу Адаму: он не должен позволять этой истории влиять на себя, – продолжила Фиона.

– А он что?

– Говорит, это так не работает. Свою историю не выбирают.

И что ответить? «Боюсь, что мальчик прав»?

– А вы? – мягко спрашивает Дженис.

– Я? – Фиона вздыхает. – Сначала я сменила профессию, чтобы себя наказать. Можно подумать, занимаясь морально тяжелой работой, я искуплю вину перед Джоном и Адамом! – Дженис качает головой, собираясь возразить, но Фиона не дает и слова вставить. – Прозвучит странно, однако общение со скорбящими очень меня утешает. Я несколько раз организовывала похороны людей, покончивших жизнь самоубийством. Мама не понимает, как я это выдерживаю, но тогда случившееся становится для меня просто частью жизни. Обходить тему молчанием значит обрекать Джона на забвение. А когда я рассказываю о нем клиентам, людям легче оттого, что я понимаю их боль.

Дженис видит, что мыслями Фиона далеко. Придется пить холодный кофе. Но разве это сейчас важно?

– Наверное, для меня удар был не таким внезапным, – продолжает Фиона, – потому что я видела, каково приходилось Джону. Знала про его депрессию, про лекарства, про черные дни, когда его одолевали сомнения и безнадежность. Мы по возможности старались скрывать от Адама, в каком состоянии его отец. Естественно, когда Джон покончил с собой, я была потрясена до глубины души, но в каком-то смыс-

ле я уже несколько лет ожидала подобного исхода. – Фиона поднимает взгляд на Дженис. – Только поймите меня правильно, к такому шоку заранее не подготовишься. Невозможно представить эти чувства, но потом, когда все немного уляжется, видишь более или менее полную картину. А у Адама полной картины нет. Для него Джон был лучшим папой на свете, а потом он его покинул. Как мальчику уложить такое в голове?

У Дженис нет ответа, но в глубине души она не верит, будто Адам даже не догадывался о том, что происходит с отцом. Как она знает по собственному опыту, дети замечают намного больше, чем думают взрослые.

Но Дженис трудно объяснить свои чувства не то что Фионе – даже самой себе. Зато она может сделать для этой женщины две вещи.

– Если вам удобно, я приведу Деция завтра. Пусть Адам как следует погуляет с ним после школы. – А потом всегда практичная Дженис добавляет: – А после прогулки могу заморозить ваш холодильник. Я обратила внимание, что у него уже дверца не закрывается.

Дженис едет домой на автобусе – за рулем не учитель географии; может, он работает только по утрам? – и думает о Фионе. Конечно, работа помогает ей и дает цель в жизни. Дженис вспоминает историю одной молодой женщины, знакомой Джона, сына Джорди: после многочисленных выкиды-

шей она отчаялась завести ребенка. Вместе с мужем-зоологом она переехала в Ботсвану и теперь занимается тем, что сердит слонов. Это непростое искусство: у животных нужно вызывать то легкую досаду, то раздражение посильнее, а порой их требуется разозлить по-настоящему или даже, как выразился бы Деций, выбесить до усрачки и при этом не дать им тебя растоптать. Муж этой женщины изучает, как слоны общаются ушами, а гнев, оказывается, самая очевидная эмоция – за ним проще всего наблюдать. Когда Джорди в последний раз говорил об этой женщине, то упомянул, что у них с мужем девятимесячный ребенок.

Коллекционируя истории, Дженис старается использовать аналитический научный подход, совсем как муж и жена, вместе изучающие слоновьи уши, но, откровенно говоря, счастливые финалы – ее слабость. Но какой счастливый финал Фиона может предложить Адаму?

Глава 12. Каждая история с чего-то начинается

За два визита к миссис Би Дженис расчистила ее коридор от завалов. Работа оказалась сравнительно нетрудной. Дженис верно предположила: в колледже действительно есть складские помещения, куда готовы взять на хранение вещи миссис Би. Поболтав с техническим персоналом и уборщицами, Дженис (невысокая женщина средних лет – идеальное доверенное лицо, от нее никто не ждет подвоха) пришла к выводу: в колледже надеются, что для миссис Би это первый шаг по дороге перемен, и, может быть, если повезет – тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – эта старая заноза в заднице наконец съедет. Дженис не стала никого разубеждать и отделалась нейтральными ответами, только после слов о «занозе в заднице» позволила себе взглянуть на собеседника с пониманием. Она не стала указывать на то, что древнеримские генералы часто прибегали к отвлекающим маневрам, а сами тем временем укрепляли позиции, готовясь к битве. Об этом она вычитала в книгах миссис Би. Но как бы там ни было, свободное складское помещение нашли, а потом Дженис уговорила миссис Би расстаться с несколькими мятыми двадцатифунтовыми банкнотами и отдать их паре студентов, чтобы они перетащили туда ее имущество.

На кухне навести порядок труднее. Дженис упорно пытается отскрести от столешницы последние затвердевшие остатки еды, и тут миссис Би начинает описывать вокруг нее круги. Старуха переходит от стула к стулу, подбираясь все ближе к Дженис. Для разминки она заводит беседу, которая по ее меркам наверняка считается очень вежливой.

– Дженис, вам очень далеко ко мне ездить?

– Нет, мы живем в деревне совсем рядом с Кембриджем. До вас автобус ходит.

– А откуда вы родом?

– Почти все детство провела в Нортгемптоне.

– А-а-а, это где обувные фабрики.

Дженис не отвечает, лишь многозначительно вскидывает брови.

Она понимает, что это просто разогрев перед главной частью программы. Про историю Бекки Дженис разговор не заводила, хотя ей не терпится услышать продолжение. Да и миссис Би эту тему не затрагивает, а ведь Дженис уверена, что ей хочется рассказать историю до конца. И вот сейчас обе играют в молчанку. К удивлению Дженис, первой не выдержала миссис Би. Впрочем, ей ведь уже девяносто два года. В ее возрасте жаль тратить время на такую ерунду.

– Так вы хотите послушать историю про Бекки или нет?

Не удержавшись, Дженис расплывается в широкой улыбке:

– Сами знаете, что да. – В знак благодарности Дженис

предлагает: – Хотите, сварю горячий шоколад?

Дженис обнаружила, что миссис Би равнодушна к семидесятипроцентному шоколаду в любых формах. Но один раз старуха уже выказала слабость и теперь хочет восстановить баланс сил.

– Не хочу. Отрастить задницу, как у вас? Нет уж, увольте.

Старуха с вызовом глядит на Дженис, ожидая, что та возмутится ее грубостью.

Но Дженис опять принимается скрести столешницу с веселым видом:

– Вот и правильно, миссис Би.

В ответ жена пожизненного пэра тихонько фыркает: то ли сердится, то ли смеется, непонятно.

Сжалившись над старухой, Дженис решает пойти ей навстречу:

– Так о чем врал Бекки?

– Практически обо всем. Правда, она действительно выросла в Париже...

– Когда это было? – перебивает Дженис.

– В девяностые годы девятнадцатого века. Так вы будете слушать историю или нет? – Миссис Би бросает на нее сердитый взгляд; Дженис молча наблюдает, как миссис Би поудобнее устраивается в кресле. – Но никакой счастливой семьи не было, во всяком случае для Бекки. Среди родных девочка чувствовала себя чужой. В те времена, перед зарей нового века, Париж был восхитителен: город парков и буль-

варов, полный солнечного света и чарующих ароматов. Но, как часто бывает, тут все зависит от того, с какой стороны смотреть. А с ее стороны были видны только грязные, зловонные улицы да старые развалюхи. Мать Бекки никогда не шила шляпы и не владела элегантным магазинчиком, в котором продавала свои изысканные творения. А ее отец никогда не был уважаемым сотрудником престижной юридической конторы. Мать Бекки трудилась поденщицей. – Ну и конечно, миссис Би не может не прибавить: – Прямо как вы.

Дженис уже хотела ставить на плиту молоко, чтобы вопреки возражениям миссис Би сварить ей горячего шоколада, но тут передумала.

Старуха выдерживает паузу, затем продолжает:

– А ее отец был самым обыкновенным извозчиком. Ну а благородных и отважных старших братьев, поступивших на военную службу, и вовсе не существовало. Однако позже рассказы Бекки о гибели обоих братьев во время Первой мировой войны многих трогали до слез. У нее была только младшая сестра, которой она ужасно завидовала, скорее всего потому, что та никогда не чувствовала себя белой вороной, и светловолосый братик, пухленький жизнерадостный малыш. – Неожиданно старуха спрашивает: – Дженис, у вас есть братья или сестры?

– Сестра, – срывается с языка Дженис, прежде чем она успевает опомниться, а потом продолжает уже гораздо вдумчивее и осторожнее: – Она сейчас живет в Канаде. Сестра

на пять лет моложе меня, работает медсестрой в педиатрической клинике, а ее муж врач.

– Вы с ней часто видитесь?

– Не особенно. В Англию они приезжают примерно раз в два года, и, конечно, тогда я стараюсь выкроить время, чтобы с ней повидаться. Встречаемся мы обычно в Лондоне. – Дженис решает умолчать о том, что ее сестра недолюбливает Майку, поэтому лучше им не пересекаться. – Пару лет назад я ездила к ней погостить на три недели и... – Дженис осекается: она вдруг почувствовала перемену в настроении миссис Би.

Старуха внезапно насторожилась: ни дать ни взять кошка на охоте, причем не какая-нибудь домашняя, а самая настоящая хищница. Старуха кожа да кости, и тем не менее она, несомненно, крупный представитель семейства кошачьих – конечно, не львица, но на коварно подкрадывающегося к жертве ягуара вполне потянет.

– Вы, кажется, не договорили, – необычно любезным тоном произносит миссис Би.

– ...И я отлично провела время, – заканчивает фразу Дженис и шагает в сторону ванной.

Она уже собирается выйти из кухни, как вдруг миссис Би продолжает рассказ так, будто не прерывалась. Теперь она сидит в своем любимом кресле возле электрокамина.

– Родители Бекки обожали ее младшего братика и очень им гордились. Какими бы вымотанными они ни возвраща-

лись домой после рабочего дня, при виде мальчика у них на душе становилось веселее. Бывают такие дети. Их счастье будто исходит из некоего внешнего источника, не имеющего отношения ни к семье, ни к окружающему миру. Подобные малыши распространяют вокруг себя радость. Будто солнечный луч, она освещает любой темный угол. Как старшая дочь, Бекки должна была присматривать за братиком, пока отец и мать работают. К мальчику она питала больше теплых чувств, чем к другим членам семьи, но, когда ему исполнилось четыре, обязанности няньки стали ей в тягость. Девочка рвалась исследовать город и создавать у себя в голове иные, более завлекательные миры. Вот и в тот день, вместо того чтобы следить за братом, она глядела в окно, мечтая о дорогих платьях и роскошных каретах, как вдруг на их узкую улочку въехал большой груженный фургон и врезался в мальчика, отбросив его в сточную канаву.

Дженис, успевшая сунуть одну руку в рукав куртки, замирает.

– Что случилось с ее братом?

Старуха не отвечает. Сначала Дженис думает, что та не расслышала.

– Миссис Би, мальчик погиб?

Ответом ей был только тихий храп из кресла. Дженис подозревает, что миссис Би притворяется, но, выходя на улицу и закрывая за собой дверь, старается не шуметь – на всякий случай.

В автобусе Дженис в кои-то веки не собирает истории. Сегодня ей не до того. Что случилось с братом Бекки? Понятно, что добром дело не кончилось, но хотелось бы знать наверняка. Должно быть, родители обвинили в случившемся Бекки. Сколько ей тогда было лет? Но Дженис помнит: в детстве это не важно, будучи ребенком, не осознаешь, какой ты на самом деле маленький. Ты – это просто ты, поэтому груз вины пополам с ответственностью взваливаешь на себя, как взрослый, не понимая, что ноша для тебя непомерно тяжела и нести ее должен кто-то постарше.

Но ведь Дженис – не Бекки, верно? Она-то свою сестру защищала, разве нет? Дженис все возвращается к этой мысли, а еще – к одному воспоминанию. Случилось это перед самым ее отъездом из Канады. До того момента все действительно шло неплохо, считает Дженис. А в последний вечер сестра достала из ящика письменного стола старую перьевую ручку, повернула чистый белый лист так, чтобы Дженис было хорошо видно, и написала:

Я помню, что ты сделала.

А потом сестра убрала ручку, встала из-за стола и пошла готовить обед для себя и для гостыи.

Глава 13. Каждая история заканчивается смертью

– Так что же случилось с братом Бекки, миссис Би?

Дженис заходила в привратницкую за почтой для миссис Би и теперь снимает пальто в коридоре. А еще она узнала одну новость, которая наверняка заинтересует хозяйку, но это подождет. Сначала Дженис должна узнать о судьбе маленького мальчика. Ничего хорошего она не ждет.

Миссис Би как ни в чем не бывало молча просматривает вчерашний номер «Таймс». Развернутая газета лежит перед ней на столе. Многочисленные стопки книг в комнате Дженис пока не трогала, зато расчистила большой дубовый стол у окна, и теперь миссис Би может за ним есть или читать газеты.

А хозяйка все молчит.

Дженис выжидает.

Вспоминая свой прошлый визит, она все больше проникается уверенностью, что тогда миссис Би не спала и прекрасно слышала ее вопрос про брата Бекки. Глухотой старуха явно не страдает, да и рассудок у нее ясный.

Однако ответа все нет и нет.

Дженис начинает сердиться. Они же договорились!

– Миссис Би, вы обещали, что расскажете мне историю

Бекки.

– Никаких обещаний я вам не давала, и, пожалуйста, перестаньте разговаривать со мной, будто шестилетний ребенок. Мы не на детской площадке, – выстреливает дробью старуха, и Дженис снова вспоминает даму в фиолетовом. – Но... – добавляет хозяйка уже спокойнее, – я сказала, что поведаю вам историю Бекки, а значит, я это сделаю. – Продолжает миссис Би так неохотно, будто каждое слово из нее тянут клещами. – Спала я сегодня неважно, у меня болят спина и ноги. Рассказывать буду позже, когда подействует обезболивающее. – Старуха опять утыкается в газету. – А еще я обделалась, поэтому, будьте любезны, смените постельное белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.